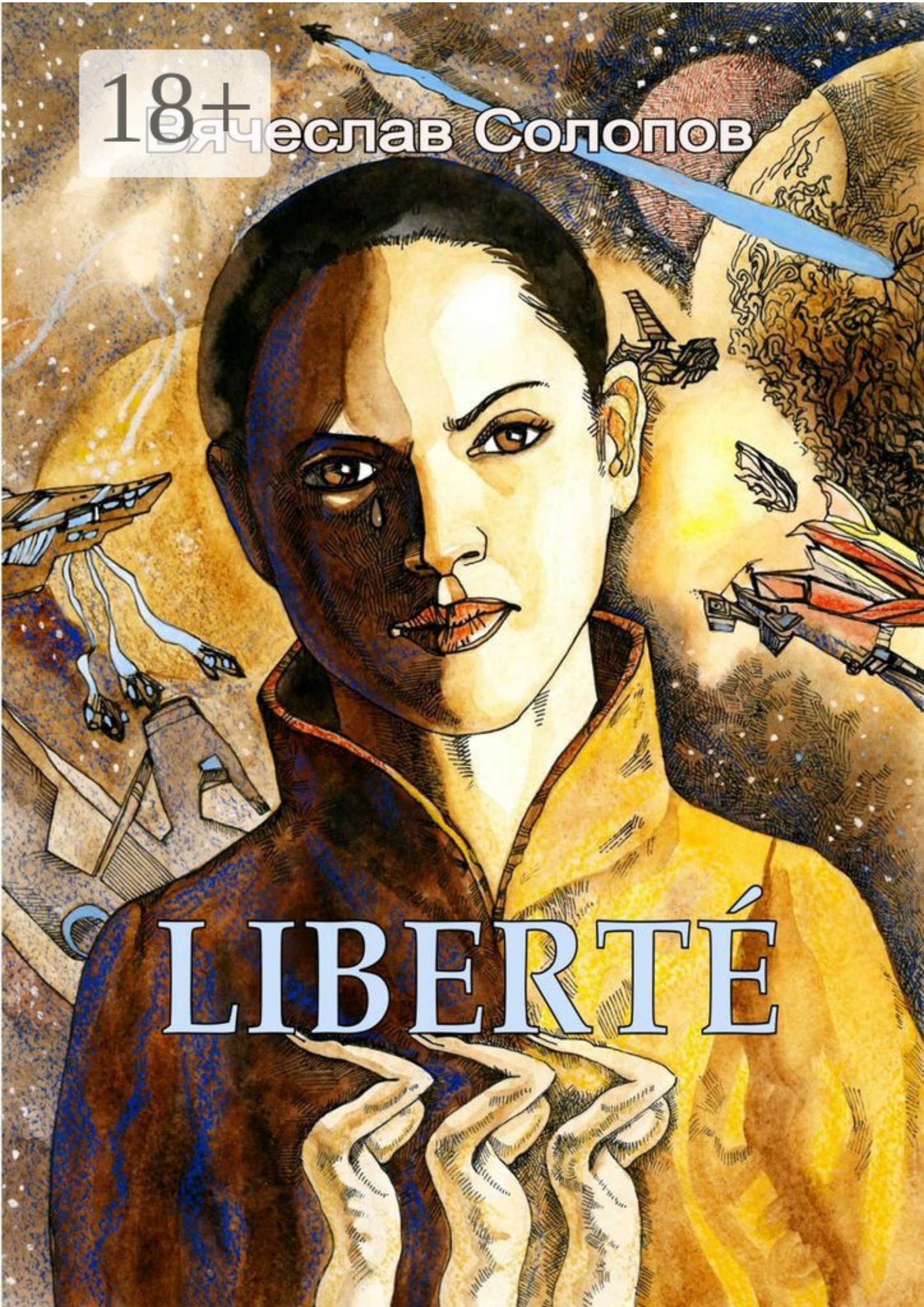

18+

Вячеслав Солопов

LIBERTÉ

Вячеслав Солопов

LIBERTÉ

«Издательские решения»

Солопов В.

LIBERTÉ / В. Солопов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963768-0

Перед выпускником Лётно-Космической Академии открыто множество путей. Мир кажется простым и ясным, а предстоящая жизнь — интересным приключением. Всё изменяется в один миг. Будущее полно утрат, боли и предательства. Суждено ли ему пройти через уготованные судьбой испытания и не сломаться при этом? На что он готов пойти, чтобы перестать быть безвольной пешкой в чужих руках и обрести истинную свободу? Герой книги не стремится найти ответы на эти вопросы. Он просто пытается выжить...

ISBN 978-5-44-963768-0

© Солопов В.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Эпиграф	7
Глава 1. В которой герой и его удача играют в догонялки	8
Глава 2. В которой герой пытается перевести дух, но лишь сбивает дыхание	15
Глава 3. В которой герой понимает, что не догнал удачу, а убежал от неё	27
Глава 4. В которой герой сидит, а события бегут	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

LIBERTÉ

Вячеслав Солопов

© Вячеслав Солопов, 2020

ISBN 978-5-4496-3768-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Выражаю свою глубокую признательность и искреннюю благодарность Дэвиду Джону Брэбену – демиургу, создавшему целую вселенную, вдохнувшему в неё жизнь и подарившему право жить в ней нескольким поколениям мечтателей.

Спасибо что не оставляете наш новый мир без присмотра!

Эпиграф

*«Там, на розовом Марсе, как в старом романсе,
лучь заката пурпурен, цветы отдают синевой.
Вот туда и летел он, но компьютер сломался
и корабль повело по неверной кривой.»*
Лев Лосев. «Как в романсе».

Глава 1. В которой герой и его удача играют в догонялки

Сколько себя помню мне всегда нравились корабли. Наши корабли. Нет, в имперских тоже есть свой шарм и верфи независимых миров строят иногда интересные экземпляры. Но все их достоинства меркнут, когда я смотрю на наши корабли! Имеется в них какая-то необыкновенная простота линий, напористость и надёжность, не чета вычурным обводам декадентских кораблей Империи или аляповатости посудин Альянса Независимых. Кустарщина! Куда им до наших.

Не претендую на звание знатока, но и профаном себя не считаю и пусть вживую я не сидел за штурвалом ни одного «имперца», но ТТХ¹ их знаю, да что там знаю, вызубрил так, что и рад бы забыть, а не смогу. А лётных часов у меня сколько? Вот так-то! И пусть они учебные, кто здесь, кроме меня, об этом знает? Потому могу на полном основании сидеть, неторопливо попивая кофе и с ленцой посматривать на взлётную полосу, не забывая краем глаза отмечать про себя обращённые в мою сторону взгляды: заинтересованные от прекрасной половины и завистливые, а порой и откровенно злобные от всех прочих.

Даже здесь в космопорте, где плотность лётного состава не в пример выше, смотрелся я на фоне всей этой братии, выигрышно. Они ведь гражданские, а я военный! Зря, что ли, парадный мундир надевал? А уж как в нём выгляжу и какой эффект произвожу, я за прошедшие дни уже выяснил.

Как по мне, то дома я не был очень давно – целых два года. Последние курсы обучения были настолько напряжёнными, что я умудрился завалить летнюю сессию и еле вытянул на пересдаче, оказавшись на волоске от отчисления. И дело было вовсе не в моей лени или недостатке прилежания и самодисциплины. Мозг просто отказывался усваивать поступающий в него учебный материал. До сих пор с содроганием вспоминаю выпавшее на мою долю испытание и связанные с ними переживания. Не о таком будущем я мечтал. Быть с позором отчисленным и загреметь в обычную строевую часть в звании рядового первого класса, что может быть ещё хуже? Стоило ради этого лететь на саму Землю и корпеть целых пять лет в Лётно-Космической Академии. Страшно представить, что сказал бы по этому поводу отец. Он всегда с особым трепетом относился к чести семьи и безукоризненной репутации её членов.

Считается, что Брэнсоны прибыли на планету в числе первых колонистов. Правда, так уж вышло, что достоверных записей об этом славном событии не сохранилось, но в истинности данного утверждения у нас принято не сомневаться. По крайней мере на людях. Вот что известно доподлинно так это то, что наша семья приняла деятельное участие в основании Хайтауна – второго крупного города на планете, ставшего столицей после гибели первого поселения. Также наш предок участвовал в войне за право на самоопределение и независимость нашей звёздной системы. Окончилась она около ста лет назад вхождением в состав Федерации, что обусловлено как помечено в местных учебниках истории – *«естественным и закономерным процессом возврата в лоно матери-Земли»*. Стоит отметить, что наш пре-

¹ (тактико-технические характеристики)

док не сразу осознал обоснованность происходящего вокруг него исторического процесса и успел изрядно повоевать в противоположном лагере. Но ведь никогда не поздно признать свои ошибки и занять правильную сторону?

О событиях того периода я с малых лет любил слушать рассказы деда по материнской линии. Сам он, никогда не покидавший пределов нашей планеты и зарабатывавший себе на жизнь нотариальным сопровождением сделок, родился значительно позже описываемых им событий и помнить их, разумеется, не мог. Однако, его богатая фантазия и любовь к единственному внуку заменяли исторические источники и позволили соткать передо мной мир полный неразрешимых загадок, удивительных тайн и манящих чудес. Все эти его истории про хитрых контрабандистов, неуловимых шпионов, смелых героев и прочую беспокойную публику населяющую просторы необъятного космоса, заронили в мою неокрепшую и впечатлительную детскую душу то самое зерно, что, попав в благодатную для него почву – проросло, окрепло и дало вполне закономерные плоды.

Довольно рано я отчётливо осознал, что хочу стать пилотом космического корабля и никем иным, о чём с детской непосредственностью и сообщал всем взрослым из года в год задававшим мне один и тот же неизменный вопрос «Ну, и кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» Это находили забавным: и соседи, и учителя, и родственники. Мало ли о чём мечтают мальчишки? Это нормально, ведь большинство их фантазий бесследно проходит. Однако со мной всё было иначе, и моя одержимость космосом начала казаться им странной. Даже когда мне исполнилось шестнадцать я по-прежнему страстно желал стать пилотом, и не просто пилотом – я хотел сделаться подлинным ассом. Более того, я вбил себе в голову, что для достижения поставленной цели должен учиться не иначе как в Лётно-Космической Академии на Земле, а не окончить какие-нибудь местные краткосрочные курсы, где всего за два года посещения вручают корочки свежеиспечённым специалистам, годным лишь на то, чтобы изо дня в день до конца своей монотонной до отвращения жизни водить каботажные суда по строго заданному маршруту, как водитель паровозика на детском аттракционе. Конечно, обучиться на настоящего пилота можно было где-нибудь и поближе. Но я рассудил: если твёрдо уверен в своих силах и во что бы то ни стало, решился взять заданную высоту с одного прыжка, то незачем втихоря понижать планку. Для того чтобы сделаться настоящим космическим волком управляющим боевым истребителем и не оказаться за штурвалом полицейского корабля-внутрисистемника, требуется изначально попасть в число выпускников престижного учебного заведения. Моя решимость была столь велика, что заставила меня пойти наперекор собственному отцу, считавшему, что он вправе сам определиться с выбором моей будущей профессии. Впрочем, все мои грандиозные жизненные планы, несмотря на проявленные мной недюжинное упрямство и настойчивость, так и остались бы ничем, откажись отец поддержать меня деньгами.

С моим лучшим другом Свеном так и произошло. От Земли до Хайтауна путь неблизкий, не менее шести пересадок и даже если специально подгадывать рейсы таким образом, чтобы времени между ними выходило по минимуму, всё равно на перелёт уйдёт никак не меньше недели. Что уж говорить про то, в какую копеечку обходится такой вояж! И когда папаша Свена доходчиво ему объяснил, что не собирается горбатиться на табачной плантации целых два года, дабы его дитяшко слетало посмотреть Землю, мой приятель остыл. Хотя у него и без того не было никаких шансов. С его на редкость развитой мускулатурой и спортивными успехами, достигнутыми в ущерб другим школьным дисциплинам, стоило отправиться прямым в космодесант. Немного забегаю вперёд, скажу, что он так и сделал.

С тех пор как границы Федерации отодвинулись дальше от нашей звёздной системы, планетарную военную базу за ненадобностью закрыли, а космодром полностью переоборудовали под гражданские нужды. Дозаправляются теперь военные суда в нескольких миллионах миль отсюда где-то на орбите третьей планеты. Ультрасовременных флаеров на Хайтауне попросту нет, но в них нет и необходимости. От космопорта до города всего-то пятнадцать минут езды на допотопном каре и вот я уже у дома. Родительский дом показался мне вовсе не таким большим и высоким каким я его помнил. Впрочем, и сам Хайтаун после поистине исполинских размеров мегаполисов Земли и Луна-Сити выглядел пусть и до боли родным, но заурядным и крайне провинциальным городком каким он, по сути, и был в действительности.

Не успел я переступить порог отчего дома, как маменька споро взяла меня в оборот. Помимо всего прочего, в особенности её волновали мои жизненные планы и то не все, а лишь в части касающейся отношений с противоположным полом. Когда же ей стало ясно, что к браку я отношусь весьма несерьёзно, она сильно расстроилась, но не смирилась. Ходить бы мне до сих пор по составленному её списку на визиты вежливости к хорошим знакомым, по странному стечению обстоятельств имевшим дочек, способных составить удачную партию молодому офицеру. А то глядишь и того хуже. Прояви я хоть капельку малодушия и оказался бы причащён таинству брака быстрее чем сообразил бы что-нибудь сказать в своё оправдание. Однако к моему счастью, отец, вдоволь отсмеявшись над моими мучениями, решил всё иначе.

Мысленно я уже исподволь отсчитывал оставшиеся мне свободные деньки. Внутренне мне не терпелось поскорее начать новую жизнь и вместе с тем я оттягивал её приближение, не желая прерывать сладостный момент праздного ничем не обременённого безделья наполненного уверенностью в собственном будущем и грядущими перспективами. И вот в тот момент когда до конца моего отпуска оставалась ровно половина, отец пригласил меня пройти в свой кабинет и в характерной ему манере подтрунивать над собеседником осведомился: «Не устал ли я от отдыха и не зовут ли меня звёзды?»

От отдыха, понятное дело, я не устал, да и с чего там уставать, мне не приходилось так расслабляться с окончания колледжа, а было это без малого шесть лет назад. От сестрёнок Хейли, всегда готовых скрасить мужское одиночество, я тоже не утомился, а из нашей старой компании только они, да, пожалуй, дружище Свен не слишком изменились. Впрочем, Свен не в счёт. После того как ему оторвало ногу, он не перестал быть рубахой-парнем, только когда выпьет его заносит, и он городит такое, что я понял – ещё одной попойки с ним не переживу. Слушать в очередной раз панегирики космодесанту и поношение нас «летунов – недоделанных», терпения у меня не хватит, даром что он мой давний друг, а бить мне его не хочется. Полбеды, если бы он всего лишь ругался и о подвигах своих, как ни странно, с каждым разом всё более героических норовил рассказать, так ведь нет, тянет его обязательно ещё и учинить что-нибудь этакое. Как его остальные терпят, не знаю. Хотя знаю, он ведь теперь гордость Хайтауна. Его имя красуется на почётной доске нашего колледжа и ни одно торжественное муниципальное мероприятие без него не обходится. Как я уже не раз за это время успел услышать: «Свен – яркий представитель нашей небольшой, но преданнейшей части Федерации! Верный сын своей любимой Родины, чья отчаянная храбрость и фанатичная преданность могут служить наглядным примером для всех наших граждан!». Возможно, оно, конечно, и так. Да только ноги он лишился в первой же высадке и то не в зоне боевых действий, а муштровали и натаскивали его перед этим почти два года. Посему пришлось ему взамен утраченной конечности довольствоваться даже не имплантом, а обычным казённым протезом. Что я могу на это сказать? Следить надо за своими ногами, вот что! Нехорошо так, наверное, но достал он меня за эти дни.

Второй наш приятель – Майк. Чёрт побери, Майк был лучшим из нас, а уж с девчонками у него вообще проблем не было и вот тебе на, двое сопливых спиногрызов и это к двадцати пяти годам! Я так его напрямую и спросил не собираются ли они с Дженни выполнить программу заселения фронта собственными силами. Посидел он в нашей старой компании всего один вечерок, да и убрался восвояси к своему скучному семейству, не успел ещё даже Свен завести надоевшую всем волюнку о героических буднях космодесанта.

Вот приблизительно в такой манере я и изложил отцу своё отношение к складывающемуся в родных пенатах отдыху. На что он, всё так же с полуулыбкой уточнил не испытываю ли я настоящей необходимости сочетаться законными узами брака с одной из предъявленных мне к осмотру юных особ, дабы прибыть к новому месту прохождения службы с молодой женой и хозяйкой в моём доме. Я уже думал было всерьёз обидеться, когда он по-приятельски потрепал меня по плечу и сменив шуточный тон, довольно серьёзно сказал:

– Дэвид, боюсь, у твоей матери сложилось весьма специфическое представление о том, как тебе следует дальше строить свою жизнь. Пока ты пять лет пребывал под строгим надзором и опекой в Академии, она могла позволить себе не волноваться. В душе она, конечно, понимает: ты вырос, стал взрослым и вполне самостоятельным мужчиной, но в то же время для неё – ты единственный ребёнок и потому она никак не может смириться с этим непреложным и уже свершившимся фактом, – он замолчал, видимо, сам осознавая, что говорит банальные вещи, но затем продолжил: – Ради собственного спокойствия ей отчаянно хочется передать тебя в чьи-то, на её взгляд, надёжные и заботливые руки. Ей представляется, что так будет лучше. С её слов она наслышана о «возмутительных нравах, царящих за пределами ближайших звёздных систем», и осведомлена об «угрозах, которым подвергается неокрепший ум в коварно тающих вокруг соблазнах». Не знаю, откуда она это взяла, может ей надо поменьше смотреть визор или меньше верить в то, что по нему говорят. Тем не менее по своему печальному опыту знаю, что переубеждать её бесполезно.

Здесь он прервался и поднявшись из кресла, подошёл к столу, выбрал из деревянной коробки местную сигару цвета «колорадо»², раскурил и вернулся, прихватив с собою тяжёлую пепельницу. Пока я смотрел как он не спеша проделывает все эти с самого раннего детства знакомые мне движения, до меня впервые осознанно дошло то, что монолитная, на мой взгляд, семья, единый механизм в лице матери и отца, как ранее казалось всю мою жизнь, уже не существует, действуя независимо друг от друга и не совсем слаженно в рамках общей чисто формальной конструкции.

– Незадолго до твоего приезда мы договорились. Если она не сможет воплотить в реальность свой матримониальный план за половину срока, отпущенного тебе на отпуск, то я со своей стороны вправе предложить тебе другой пусть и не такой правильный, как её вариант, – выдохнув облачко ароматного сигарного дыма, отец улыбнулся в ответ на мой нетерпеливо ожидающий продолжения беседы взгляд.

– Прежде я ни разу не говорил тебе как горд тобою. Не перебивай, – он сделал короткий взмах рукой, когда я только начал было открывать рот. – Так вот, считаю, ты был прав, выбрав стезю военного и отклонив моё предложение продолжить семейное дело. Ты один из немногих уроженцев Хайтауна, кто смог так далеко продвинуться за его пределами и сможешь пойти дальше, – здесь он наставительно поднял палец вверх словно пытаясь тем самым подчеркнуть

² (коричневатый цвет табачного листа с красноватым отливом)

их особую важность и ещё больше привлечь к своим словам моё внимание, – Если не станешь разменивать честолюбивые цели на минутные увлечения и хорошенькие глазки. Тебя, возможно, удивит то обстоятельство, что твоё обучение в Академии дало немалую выгоду нашему бизнесу. Благодаря сделанному тобой верному выбору мы на хорошем счету у федеральных властей: нам доверяют, с нами считаются. Потому полагаю своим долгом сказать тебе, Дэвид, иди к своей мечте, не останавливаясь ни перед чем. Стремись и добивайся. Ну а если, – продолжил он, – Ты не взлетишь так высоко как сам того хотел или не сошьёшь своё гнездо вдали от нашего дома, то знай, мы с матерью всегда ждём тебя. Верно ли, что пилоты рано уходят на государственный пенсион?

– Да, отец, через пятнадцать лет службы.

– Ну, столько я ещё подожду, – рассмеялся он. – А там, кто знает, может, ты всё-таки решишь возглавить моё детище и я смогу с лёгким сердцем уйти на покой. Впрочем, ладно, вернёмся к нашему разговору. Прежде чем ты отправишься осматривать беспокойные захолустья Федерации за государственный счёт, вот мой подарок на окончание.

В правом углу у меня перед глазами всплыла маленькая пиктограмма, информирующая о получении входящего сообщения. Открыв его, я обнаружил внутри вложение: два билета и путёвку с прилагающимся к ней красочным буклетом. Первый из билетов был на завтрашний рейс с пересадкой в Танну – столице нашего сектора, второй я не стал смотреть, так как всё моё внимание привлёк к себе оплаченный тур на один из популярных курортов планеты Яньян в системе четырёх звёзд. От увиденного я обомлел, подарок был исключительный даже для моих бурных фантазий.

– Отец, спасибо! – как мог я попытался выразить свои чувства. – Только это чересчур, вы с мамой могли бы...

И снова он прервал меня взмахом руки.

– Боюсь, твоя мать слишком хорошо осведомлена о «возмутительных нравах» и «таящихся соблазнах», – с горькой усмешкой опять процитировал он. – К тому же мне совсем не на кого оставить семейный бизнес.

Молча я поднялся, прошёл к бару, наполнил до половины два небольших пузатых стакана светло-золотистым виски и вернувшись, с почтительным поклоном подал ему один из них.

Сон, никогда не бывший для меня особой проблемой, упорно не шёл ко мне этой ночью. Не считая себя романтической натурой, я тем не менее бурно переживал открывающиеся передо мной перспективы предстоящего вояжа и эйфорические картины рисовались в моём воображении. В итоге утром, после бессонной проведённой в волнениях ночи, я встал разбитый и всё время до расставания с родителями невольно ощущал непонятное иррациональное чувство вины. С чем оно было связано я так и не понял. Чувствуя моё минорное настроение, отец ободряюще похлопал меня по плечу. Маменька, же вздумала плакать и устроила долгую суету из пустяковых сборов. С ней мы расстались дома. Отец отвёз меня в космопорт, без слов крепко обнял на прощание и долго неподвижно стоял, провожая взглядом. Лишь однажды он коротко кивнул, когда я обернулся к нему в последний раз у самого входа в космопорт.

Время до объявления посадки пролетело незаметно, посадка прошла буднично и неинтересно. Местные линии не могли похвастаться чем-либо заслуживающим внимания. На пассажирских перевозках были задействованы давно устаревшие модели, списанные с внутренних линий центральных секторов Федерации, но по-прежнему исправно служащие на её обширных окраинах.

Удобно расположившись в антиперегрузочном кресле, я переждал процесс старта и выхода из атмосферы родной планеты. Глядя на переживания и дискомфорт, испытываемый моими попутчиками, вновь подивился результатам, которых достиг мой организм после многочисленных тренировок на перегрузки. Настроение, претерпевавшее в это утро различные метаморфозы, окончательно стабилизировалось и не дождавшись традиционного обхода стюардессы с напитками, незаметно для себя, я заснул.

Пробуждение меня не порадовало. Привычно скользнув взглядом в сторону циферблата, интуитивно запросил график полёта. Не ошибся, отставание на два с лишним часа, что возмутительно даже для гражданского флота. Тут же в пользовательском интерфейсе корабля выбрал иконку вызова стюардессы. Её приход не заставил себя долго ждать, но принёс ещё более неприятные известия. Заученно улыбаясь, она сообщила что: «Капитан корабля и вся команда приносят мне свои извинения за доставленные неудобства». Полагаю, за сегодня мой вызов был для неё далеко не первый и девушка была готова по отработанной программе зачитывать мне успокоительные мантры сопровождая их выверенной мимикой и жестами до моего полного введения в гипнотический транс. Слышал, при отборе в бортпроводницы исключительное предпочтение отдают тем, которые симпатичнее. Явный расчёт на то, что недовольному клиенту будет неловко затевать конфликт с милой и преисполненной дружелюбного внимания представительницей прекрасного пола. Пусть и не блещущей иными заслугами, кроме смазливой внешности которой одарила её мать-природа. В другое время и при иных обстоятельствах я и сам бы удовольствовался дежурными отговорками, поданными мне в столь приятной и радующей глаз упаковке, но не в этот раз. Сейчас на меня никакая чарующая «магия» не действовала. Пришлось попросить девушку прекратить изливать на меня поток бессмысленных фраз и дать чёткую информацию о причинах вопиющей задержки, а также новом расчётном времени прибытия на Танну. Прервав наш зрительный контакт, она неуверенно скосила глаза на мой правый погон и стараясь придать своему голосу прежнюю долю убедительности, сообщила, что в связи с внезапным изменением активности звезды в системе BD—3308 экипаж был вынужден изменить плановый маршрут. После чего умоляюще посмотрела мне в глаза и назвала ожидаемое время прилёта. Если первая сказанная ею часть откровенно позабавила меня своей нелепостью, то вторая просто выбила из равновесия. Того непродолжительного промежутка времени, который оставался у меня в результате этих непредвиденных событий, на пересадку могло элементарно не хватить. Я принялся лихорадочно соображать, как следует поступать дальше. При этом, видимо, внутренние переживания отразились на моём лице и не остались незамечены стюардессой. Прервав мои размышления, она участливо спросила, может ли ещё чем-то мне помочь. Был участливый тон в её голосе напускным или искренним, я не разобрал и кратко изложив возникшие передо мной затруднения, не стал впустую сетовать на породивший их источник или срывать на ней свою злобу. Уяснив суть, девушка быстро задала мне вопросы: о наличии сданного багажа, номере следующего рейса и времени старта по расписанию. После чего, узнав всё ей необходимое, попросила немного подождать и удалилась.

Вернулась она действительно быстро и сообщила, что, учитывая сложившуюся ситуацию, капитан корабля принял решение: при подлёте к Танну отправить соответствующее сообщение в диспетчерскую службу космопорта. Отсутствие у меня багажа позволит выиграть дополнительное время и в качестве исключения за несколько минут до подачи стыковочного шлюза она лично оповестит меня, чтобы я смог покинуть корабль первым. Окончив свою речь, девушка вновь лучезарно улыбнулась. Оставалось лишь рассыпаться в благодарностях. Может вначале я был всё-таки несправедлив по отношению к ней и дело не только во внешности?

Оставшееся вплоть до самой стыковки время провёл как на иголках. Не успела шлюзовая камера полностью открыться для приёма пассажиров, как я первым ринулся в проход, на бегу активировав свой билет. Тут же вверху перед глазами возник таймер, ведущий отсчёт в обратном направлении. Цифры горели красным и неприятно пульсировали в такт моему учатившемуся биению сердца. Миновав длинный переход, я вбежал в общий зал и был вынужден остановиться, дожидаясь, пока не сработает проводник. Как только виртуальная стрелка обозначила направление движения к регистрационному portalу, я снова перешёл на скорый бег, наплевав на манеры, честь мундира и прочие условности. Я бежал как мальчишка, ловя на себе возмущённые взгляды, и старался на ходу приносить извинения всем, кого был вынужден нечаянно толкнуть или задеть. К счастью, ни одно из моих столкновений не вызвало скандала. Правда, один раз я со всего маху налетел на старшего офицера и весь внутренне сжавшись от ожидания требовательного окрика, не останавливаясь, снова ввинтился в толпу. Однако всё обошлось и вскоре преодолев ещё один многоярусный подъём, я вбежал в почти пустой зал, в торцевой части которого сгрущаясь сидела женщина – регистратор.

Напряжение не отпускало меня вплоть до того момента пока не закрылась переборка вслед за корабельным стюардом, который с недовольной миной торопливо сопровождал меня до каюты, усадил в антиперегрузочное кресло и не дожидаясь справедливо заслуженных чаевых спешно удалился. По моей вине ему теперь предстояло хорошенько попотеть, чтобы успеть занять своё место перед стартом. Стоило мне остаться одному, как невольная улыбка расплылась по моему лицу, и я нервно рассмеялся. В голову пришла внезапная мысль о том, что как бы ни убегала от меня сегодня моя проказница фортуна, я всё-таки догнал её.

Глава 2. В которой герой пытается перевести дух, но лишь сбивает дыхание

Убранство каюты на мой непритязательный взгляд было излишне помпезным. Ещё ночью после того, как отец вручил мне свой неожиданный и щедрый подарок, я внимательно изучил всё что касалось предстоящей поездки и потому знал, что обстановка внутрикорабельных помещений будет далека от привычной. Однако, моя готовность оказалась мнимой. Одно дело представлять себе что-то базируясь на чужих головизионных записях и совсем другое воочию созерцать окружающее тебя причудливое смешение стилей и гармонию красок, ощущать шелковистость натуральных тканей и вдыхать аромат подлинных благовоний, столь контрастирующий с резким и приторным запахом казённого освежителя, до дурноты ввевшегося в мои воспоминания об отхожих местах альма-матер. Очевидно, делая мне этот подарок, отец примерял его под себя. Только он с его чувством вкуса смог бы оценить по достоинству труд декораторов и стилистов, создавших интерьеры корабля и воздать должное их мастерству. Мне же это было, увы, недоступно. В моём небогатом лексиконе для описания роскошного убранства, в которое я был погружён и растворён без остатка, имелась только пара-тройка весьма убогих эпитетов, наиболее подходящим из которых можно было с большой натяжкой счесть – «шикарно».

На видном месте в каюте лежала интерактивная, красочно иллюстрированная брошюра. В бессодержательной рекламной манере в ней рассказывалось о конечной цели нашего путешествия. Пролистав её, не нашёл ничего нового для себя. Стало даже как-то обидно, оттого что приобщение к удивительному явлению вселенского масштаба оценивается с позиции зрелищности, а его посещение, цитирую: *«потрясающий способ насладиться незабываемым отдыхом в атмосфере исключительного комфорта и захватывающих развлечений, восхититься буйством неистовых сил дикой природы и оказаться на передовом рубеже науки, стать соучастником раскрытия тайн Вселенной, не лишая себя при этом удобств пятизвёздочного отеля. Отдых на Яньян – не только подчеркнёт вашу незаурядность, но и позволит внести личный вклад в развитие мировой науки!»* Далее следовала сноска, перейдя по которой каждый желающий мог ознакомиться с условиями договора о частном спонсорстве, возможностях прибыльного инвестирования средств и получении именного сертификата, подтверждающего участие в программе финансирования научных разработок. Вот так Яньян – редчайшая из жемчужин изученной части Галактики, с лёгкой руки автора рекламной брошюры была низложена до уровня ошеломляющего природного шоу, а планета, чья экосистема представляла собой исключительный феномен требующий пристального внимания и трепетного с ним обращения, рассматривалась как источник дохода.

Даже по меркам бескрайней Вселенной Яньян была уникальна. После Земли – колыбели Человечества, единственной формы разумной жизни, она занимала второе место среди чудес света и в том, что она также принадлежала Земной Федерации – была историческая справедливость. С момента открытия, Яньян как магнит притягивала к себе различных специалистов и оставалась местом паломничества: генетиков и биологов, иммунологов и вирусологов... Она не подвергалась массовому терраформированию. Все строения: жилые комплексы и туристические отели, исследовательские станции и научные лаборатории, покоились на сейсмостойких платформах под непроницаемыми куполами, оставляя не тронутой поверхность планеты. Продолжительность туристического сезона на Яньян подчинялась сложным правилам небесной механики. Эти же правила и изменчивое расположение планеты по отношению к каждому из четырёх светил её звёздной системы, создали на Яньян поражающих размеров эволюци-

онный котёл с переменной силой тяжести. В межсезонье планета выглядела непримечательной, ничем не отличимой от множества других. Окружающая её атмосфера не могла спасти от ледящего холода или испепеляющей жары ни животных, ни растения. Вся видимая жизнь на ней замирала, впадала в спячку, прячась в пещеры, закапываясь в берлоги и норы, подчас уходящие вглубь поверхности на несколько сотен метров. С наступлением благодатной поры планета за считанные часы преображалась. Наружу пробивались молодые побеги растений, чьи древние корни тянули соки с невероятных глубин. Сквозь толщу поверхности проклёвывались семена. Разбуженная безумством флоры просыпалась фауна и вскоре вся планета кишела разнообразными формами жизни. Всё что только могло, почковалось, плодилось и плодоносило, питалось или становилось пищей, погибало и паразитировало охваченное лихорадочными процессами роста и размножения, и, конечно же, набиралось сил, запасая впрок жизненные соки, чтобы пережить время невзгод. Но самым парадоксальным и удивительным было вовсе не это. Вся жизнь на Яньян эволюционировала невиданными нигде до этого темпами. От года к году появлялись и исчезали новые виды животных и растений. Крылатые твари становились бескрылыми, бескрылые отращивали жаберы и делались двоякодышащими, хищники обогащали свой рацион переключаясь на иные виды пищи и меняли способы охоты, травоядные становились всеядными, паразиты превращались в полезных симбионтов, а самостоятельные животные деградировали в паразитов. Одни виды мельчали, другие превращались в исполинов, микроскопические насекомообразные сосуществовали с наземными медузообразными существами, размерами ничуть не меньше земных динозавров мезозойской эры.

Насколько мне известно, на Яньян действовали на постоянной основе три исследовательских института. Все они представляли интересы крупнейших научных сообществ Федерации, расположенных в Гарварде, Оксфорде и Пекине. Финансируемые частными и зарубежными государственными корпорациями лаборатории находились под неусыпным контролем Бюро Федеральной Безопасности. Все совершаемые ими открытия являлись общим достоянием. О том сколько существовало на планете закрытых ведомственных лабораторий, я не могу даже и предположить.

Туристические маршруты к Яньян обслуживались единственной компанией, целиком монополизировавшей это исключительно прибыльное направление. Учитывая популярность курортов планеты не только среди жителей Федерации, но и других миров, для обеспечения максимального уровня комфорта и поддержания привилегированного статуса планеты были закуплены современные имперские судна класса «Балейна». Неприятное происшествие, чуть напрочь не сломавшее первоначально намеченные планы, лишило меня возможности внешнего осмотра корабля. К моему глубокому сожалению, из открытых источников о судах данного класса я смог почерпнуть только скудные сведения самого общего характера. И хотя судам Империи, впрочем, как и Содружества, Альянса и других вероятных противников, был отведён отдельный двухгодичный курс с обязательной сдачей экзамена, класс «Балейна» в учебной программе удостоился лишь краткого упоминания, а виной тому его исключительная принадлежность к гражданскому флоту. Лайнер, на борту которого мне предстояло провести ближайшие три дня, согласно правилу именования частных судов носил исконно федеральное название «Лейкленд». Прокладывая оптимальный маршрут с учётом его слабых гипердвигателей, можно было проделать всего три прыжка и сэкономить уйму времени, но из почерпнутой ранее информации я знал, что от Танну до Яньян, нами будет совершено восемь гиперпрыжков сплошь через, как гласила реклама – «живописнейшие места Галактики». Даже зная, что на самом деле это не так, я решил не упустить заявленное зрелище и пометил для себя часы посещения специально оборудованной обзорной палубы.

Согласно корабельному расписанию приём пищи осуществлялся три раза в день и это, если не принимать во внимание бесплатные напитки в баре и возможность перекусить в буфетной. На «Лейкленд» знали толк в том, как угодить пассажирам первого класса. Всё верно, отец не поспешил, хотя я был бы не менее счастлив провести путешествие и в бизнес-классе. Экономического класса на линиях, обслуживающих курорты Яньян, попросту не существовало, что лишний раз подчёркивало элитарность туристического направления.

Расположение судовых помещений также явственно давало понять, что деньги здесь, впрочем, как и везде, являются главным жизненным мерилем. Из схематического изображения корабля, которое я вращал перед глазами, следовало, что палуба первого класса основательно отгорожена от других непривилегированных пассажиров, служебными и машинными помещениями, кубриками членов команды и каютами комсостава. Два имевшихся шлюзовых отсека тоже были разделены на отдельный, для путешественников первого класса и смешанный, для персонала и туристов попроще. Аварийный шлюз на схеме помечен не был, равно как и многие другие служебные помещения. Однако в носовой надстройке судна без труда угадывалось расположение капитанской рубки, верхнего мостика и штурманского отделения, а под нижней палубой бизнес-класса наверняка располагались трюмы. В центральной надстройке рядом с обзорной палубой на схеме горел значок в виде красного креста, традиционно обозначая расположение медицинского блока. Особо для пассажиров на схеме были помечены: парикмахерская, косметический салон, сейфовое помещение и целая россыпь магазинов. Не без удивления я отметил наличие купального бассейна, спортивной площадки и театрального салона. Если назначение первых двух помещений было предельно ясно, то вот третье поставило меня в тупик. В целом скудные сведения корабельного информатора, рассчитанные лишь на сугубо специфические нужды туристов, оставили после себя массу вопросов, и я решил при оказии напроситься на частную экскурсию, втесавшись для этого в доверие к кому-нибудь из членов команды, воззвав к его лучшим чувствам и сыграв на общей причастности к негласному лётному братству. И в случае успеха задуманного, не преминуть возможностью лично осмотреть скрытые от взоров праздной публики, но интересующие меня служебные и машинные помещения «Лейклэнда».

Своё пристанище к этому времени я успел обстоятельно изучить. Имевшиеся в нём: спальня, кабинет, совместный галльон с душевой и прачечной; целиком исчерпывали все мои нужды. От номера «люкс» занимаемая мною каюта отличалась отсутствием гостиной и ещё такой незначительной мелочью, как отдельная ванная комната. Однако царствующая вокруг «ярмарка тщеславия» и здесь внесла свои коррективы, поместив мою каюту в самом конце непрестижной хвостовой части корабля.

От виртуального информатора я выяснил, что питаться мне предстоит за четырнадцатым столиком на шесть персон и моими соседями по столу будут две семейные пары: Би—Кей Смитсон и Джей—Си Смит, а также одна сразу крайне заинтриговавшая меня особа, значащаяся в корабельном списке как баронесса Алита де Хардинес. Внутренне я скрестил пальцы в надежде, чтобы она не оказалась пышнотелой матроной преклонного возраста, решившей развеяться от опостылевшего ей супруга на яньянском курорте.

Отпущенное до трапезы время я провёл с пользой, разложив свой немудрёный скарб из багажа на полки в прикроватной тумбе и развесив обмундирование на плечиках в шкафу, скрывавшемся за головизионной панелью нешуточных размеров. В очередной раз полюбовавшись своей парадной формой, решил, что будет нелишним уточнить у стюарда, сколько времени займут услуги прачечной и при возможности сдать обмундирование в чистку, при

необходимости безвылазно переждав требуемое время в каюте. Из выходной одежды у меня имелись в наличии лишь местами потёртая повседневная форма и парадная, ношением которой я откровенно злоупотребил в последние дни. То старьё, в котором я без стеснения ходил в Хайтауне, годилось исключительно для Хайтауна, и я не рискнул бы показаться здесь в таком виде. Имелась у меня мысль пройтись по магазинам в портовом районе на Танну, но где теперь тот Танну? Спасибо, что, вообще, успел на свой рейс и сейчас вместо того, чтобы заниматься нудным переоформлением билетов и нетерпеливо ожидать объявления вылета, следующего на Яньян рейса, я, приняв душ, сижу в своей каюте и рассуждаю о пустяках.

Все мои представления о быте и нравах богатых жителей за пределами Федерации строились на просмотре нескольких популярных сериалов и картин. В соответствии со сложившимися у меня стереотипами, я в полной уверенности полагал, что прийти вовремя или чуть раньше обозначенного срока в их среде не принято и может быть расценено как моветон. По корабельному расписанию на обед отводилось целых два часа! За последние пять лет учёбы в Академии я не мог припомнить, чтобы мой самый продолжительный приём пищи длился дольше пятнадцати минут. Поэтому насильно промаявшись минут двадцать сверх положенного, я покинул свою каюту и с деланной неспешностью направился в ресторан.

По пути я не встретил ни единой живой души не считая коридорного, стоявшего у выхода в холл, из которого наверх вели две широкие лестницы. Прежде чем я, замешкавшись, вспомнил какой из них надлежит воспользоваться, коридорный с лёгким полупоклоном предложил сопроводить меня сделав приглашающий жест в направлении правой. Я вежливо отказался и во избежание дальнейших возможных недоразумений активировал проводника. Стоило приблизиться на расстояние трёх шагов, как двухстворчатые двери ресторана разошлись в разные стороны и передо мной предстало обширное роскошно обставленное помещение, центральная часть которого была занята различных форм и размеров столами. Бросив быстрый взгляд, я с удивлением обнаружил, что вопреки моим ожиданиям места за ними отнюдь не пустовали.

Моё запоздалое появление не осталось незамеченным. Смутившись, я в несколько скованной манере проследовал к своему месту стараясь делать вид, что не замечаю обращённые на меня критически и беспардонно оценивающие взгляды. Обогнув пару увлечённо беседующих компаний, я остановился у единственного свободного углового места за столом под номером четырнадцать, имевшим, на моё счастье, простую прямоугольную форму и сел на заранее предусмотрительно отставленный ресторанной службой стул, радуясь возможности занять его без необходимости тревожить соседей. После чего позволил себе обратить внимание на них. Прямо напротив меня расположилась молодая женщина, нет, пожалуй, совсем ещё юная девушка, чей раздражённый взгляд был в упор направлен на меня. Как только я сосредоточил на ней своё внимание она выдала какую-то непонятную фразу на незнакомом мне языке и, хотя смысл произнесённых ею слов оставался совершенно неясен, тембр и интонация её голоса неоднозначно давали понять, что она чем-то недовольна. Оставшиеся четверо соседей не обращавшие на меня до этого момента практически никакого внимания, прервали свою оживлённую беседу и также уставились в мою сторону. Не оставалось ничего иного, кроме как, изобразить на лице вежливую улыбку и донести до сведения окружающих, что, к сожалению, я не владею языком, на котором ко мне обращаются. Убедившись, что мой ответ не произвёл на девушку никакого впечатления я произнёс то же самое на унилингве. Выслушав меня, она слегка закатила глаза и негромко, но демонстративно что-то произнесла всё тем же раздражённым тоном. Стоявшая с правой стороны и чуть поодаль от моей собеседницы невысокая, миниатюрно сложенная девушка, которую я вначале не заметил, а затем не разобравшись, принял за ресторанный службу, почтительно, но без подобострастия наклонилась к ней и произ-

неся шёпотом несколько фраз, вновь выпрямилась и замерла в прежней позе. Пока я смотрел на это новое действующее лицо, моя соседка немного поддёрнула левый рукав платья обнажив широкий золотистого цвета браслет, обхватывающий её запястье и несколько раз провела по нему пальцами правой руки, после чего опять обратилась ко мне и едва ли не одновременно с её голосом я услышал:

– Простите, офицер, я не разбираюсь в ваших знаках различия! Хочу уведомить вас, что, принимая решение воспользоваться услугами данного судна, я пребывала в полной уверенности, полагая, что члены экипажа и прислуга столуются отдельно!

Синтезированный голос, раздававшийся из наручного коммуникатора, ошибочно принятого мною за ювелирное украшение, был весьма хорош, но звучал монотонно, будучи неспособным передать присущую моей собеседнице экспрессивность и напористость речи.

Не могу сказать, что произнесённое в мой адрес оставило меня равнодушным. Тем не менее сообразуясь с правилами хорошего тона и приложив все усилия к тому, чтобы вежливая улыбка не покинула моё лицо, я произнёс:

– Простите, мадам, что не успел вам вовремя представиться. Меня зовут Дэвид Брэнсон, я лейтенант Военно-Космического Флота Федерации. Как и вы, я гость на этом корабле и волей счастливой случайности ваш сотрапезник на всё время полёта.

– Но я не мадам! – глаза собеседницы гневно блеснули.

– А я не член экипажа. – парировал я в ответ, всё ещё стараясь сохранять улыбку.

Пару секунд девушка буквально сверлила меня глазами, а затем внезапно рассмеялась.

– Алита. Алита де Хардинес, – отсмеявшись произнесла она. Её электронный переводчик оставил это без внимания. Мои ответы он также игнорировал, видимо, передавая вербальную информацию своей хозяйке каким-то другим способом.

– Рад нашему знакомству, баронесса! – я приподнялся и чинно склонившись над столом, поцеловал милостиво протянутую мне изящную ухоженную ручку. Именно так в моём представлении и надлежало поступить при подобных обстоятельствах. Стыдно признаться, но для того, чтобы всё это выглядело как можно непринуждённое я предварительно неоднократно отрепетировал эту сценку у себя в каюте.

– Зовите меня просто Алита.

– Почту за честь, баронесса! – бодро выдал я, с опаской отмечая, что на этом мои великосветские заготовки стремительно подходят к концу.

Судя по лицам наблюдавших за нашей беседой соседей, я понял, что ни моя речь, ни язык, на котором говорит Алита им незнакомы. Поэтому был вынужден вновь обратиться к Алите.

– Прошу прощения за мою бестактность, вас не затруднит помочь мне представиться остальным?

– Зачем? – Алита с недоумением посмотрела на меня. – Ведь это дубли!

– Дубли? – непонимающе переспросил я.

– Да дубли, – повторила она. – То есть, конечно, вернее говорить клоны, но ведь конечной сути это не меняет.

Произносила она это так, будто сказанное ею всё объясняло. Видя моё непроходящее непонимание Алита добавила, но уже медленнее как для несмышлёного ребёнка.

– Ну клоны. Из Содружества.

Так вот, значит, что показалось мне странным, когда я впервые мельком увидел их лица, но в тот краткий момент не придал этому особого значения, на подсознательном уровне отметив их возможное родственное сходство. Впрочем, если бы я дал себе труд поразмыслить чуть дольше, когда увидел их фамилии в корабельном списке, то, возможно, догадался бы об этом сам.

Повернувшись к клонам, я протянул руку сидящему рядом мужчине и назвал своё имя и фамилию. Без колебаний он в ответ пожал её и также представился. Затем ритуал повторился со вторым мужчиной. Дамам я приветственно кивнул и на этом формальная процедура знакомства была окончена.

Пока мы обменивались приветствиями я успел немного их рассмотреть. Мужчины внешне отличались друг от друга как два фото одного и того же человека, сделанные с промежутком в десять лет или немногим более того. Небольшие проседи, поперечные морщинки на лбу и наметившиеся залысины, безошибочно указывали на разницу в возрасте между ними. Что же касается женщин, то если не сильно приглядываться они могли, пожалуй, сойти за сестёр-близнецов.

– Зачем вы это сделали? – Алита с вызовом смотрела на меня.

– Не можем же мы трое суток просто делать вид что не замечаем их? – как можно более примиряюще ответил я, нарочно построив свой ответ так, чтобы не вызвать у неё очередной приступ раздражительности.

Алита фыркнула, но ограничилась лишь этим, переключив свой интерес на стоящую перед ней тарелку с салатом.

Осмотрев стол, я убедился, что передо всеми исключая меня, стояли тарелки с лёгкими закусками и салатами; бокалы тоже не пустовали. С моего появления в зале я видел несколько раз официантов, но все они обслуживали других пассажиров обходя наш столик стороной. Я всё обдумывал как привлечь к себе внимание кого-нибудь из них, когда заметил в правом углу перед глазами мигающую иконку с надписью «меню». Выругавшись про себя, я оформил заказ, стараясь выбирать только знакомую пищу, и вскоре появившийся официант с подносом сноровисто сервировал передо мною первые из заказанных блюд.

Клоны весело переговаривались меж собой, дамы время от времени негромко смеялись, мужчины степенно обменивались репликами как старые знакомые. Интересно, они действительно давно знают друг друга или их общительность – результат успешных генетических экспериментов по подбору партнёров на совместимость?

Алита молчала, рассеянным взглядом осматривая помещение и поигрывая бокалом с аперитивом. Девушка за её спиной всё так же стояла в прежней позе не поднимая глаз. Я поймал себя на том, что поглощаю еду с привычной скоростью, только когда на тарелке оставались жалкие остатки. Не глядя на меня, Алита демонстративно отставила тарелку с недоеденной пищей, и я тут же последовал её примеру. Не заставивший себя ждать официант убрал использованную посуду и расставил новые блюда. Он также ловко подхватил предусмотрительно отложенные мною в сторону вилку с ложкой, заменив их на новые столовые приборы, завернутые в белоснежную салфетку из плотной натуральной ткани. Когда он ушёл, Алита доверительным тоном сообщила:

– Если бы вы знали, сколько времени я потратила на то, чтобы выучить правила этикета и вот итог, – мило улыбаясь, она слегка развела руки над столом. – Они меняют приборы с каждой переменной блюд!

– Не расстраивайтесь, баронесса. Вы всё ещё можете воспользоваться своими знаниями, чтобы наставлять меня. Боюсь мои познания в этом предмете безнадежно далеки от совершенства.

– Вы шутите, лейтенант. Не могу поверить, чтобы офицер был не обучен таким простым вещам, – притворно воскликнула баронесса и в который уже раз подряд одарила меня улыбкой. Про себя я отметил, что ямочки на её щеках нравятся мне гораздо больше, чем нахмуренные брови.

Этот обед был самым долгим за всю мою жизнь и ещё, возможно, он был самым счастливым. Отобедав, клоны ушли, оставив нас одних, но отсутствие их компании нас не огорчило. Ресторан постепенно пустел, гости покидали его один за другим, а мы всё ещё общались, болтая ни о чём, не стесняясь разговоров о пустяках. Алита изредка смеялась, подкупая естественно прикрывая ладошкой очаровательный рот. Я тайком любовался тонкими чертами её лица, золотистыми прядями волос, окаймлявшими высокий благородный лоб, чистой белоснежной кожей и полными чувственными губами. Время летело приятно и незаметно. Расстались мы только в холле. Перед тем как уйти Алита на прощание одарила меня очередной улыбкой сказав при этом:

– До встречи, Дэвид! И прошу вас в следующий раз не опаздывайте.

Предупреждение для меня было явно излишним. Единственным моим желанием было увидеть её вновь и как можно скорее. Упустить по собственной воле это мгновение я бы просто не смог.

Не буду в подробностях описывать охватившее меня целиком и без остатка чувство. Не все могут честно признаться даже перед самим собою в том, что по-настоящему испытывают в такие моменты.

Мысли мои были запутаны, а сам я пребывал в возбуждённо приподнятом настроении. На ужин пришёл даже чуть раньше положенного срока. В отличие от жидкого ручейка пассажиров, меланхолично и размеренно втекающих в ресторанные двери, я, не чувствуя под собой ног от ожидания новой встречи, почти что влетел в зал ресторана и первым занял место за нашим столом. Алита появилась немногим позже по-прежнему в сопровождении немногословной спутницы, как и прошлый раз вставшей позади своей госпожи. Клоны пришедшие последними застали нас с Алитой уже всецело поглощёнными беседой друг с другом и ни обращающими внимания ни на кого вокруг. Впрочем, для моей прелестной собеседницы это было вполне естественно. Признавая за клонами или как она их величала, «дублями», право находиться за общим столом, Алита наотрез отказывалась признавать их, заслуживающими любых даже малейших знаков внимания. Тот факт, что клонам хватило средств на то, чтобы приобрести себе место среди достойных членов общества, не делало их от этого хоть сколько-то желанными или упаси бог, равными. Сделав соответствующие выводы, я со своей стороны избегал затрагивать эту тему даже вскользь, дабы вследствие неминуемых разногласий избежать и намёка на конфликт.

Если прежде я думал о том, как буду коротать свой досуг во время перелёта, заполняя хоть чем-нибудь долгие перерывы между трапезами, то сейчас не мог представить себе другой возможности, кроме как, проводить всё свободное время в обществе Алиты.

Наш ужин подходил к концу, когда девушка поинтересовалась моими планами на вечер. Узнав, что на этот счёт у меня нет никаких определённых идей, она на мгновение нахмурилась, но тут же спросила, каково моё мнение относительно новой картины с романтическим названием «Здесь покинутая», которую будут давать сегодня вечером. Вовремя сообразив, к чему задан этот вопрос, я ответил, что ещё не видел фильма и в том случае, если она желает посетить сегодня салон, то я с превеликим удовольствием составлю ей компанию для совместного просмотра.

Ненадолго расставшись, мы встретились, как и договаривались у театрального салона. Алита опять переоделась в новый наряд. В этот раз на ней было тёмное как ночь облегающее вечернее платье и выглядела она в нём настолько очаровательно что я даже не пытался скрыть эмоции, тут же безотчётно отразившиеся на моём лице. Столь откровенная реакция не осталась незамеченной, вызвав у неё довольную улыбку. За Алитой, как и всегда неотлучно следовала невысокая девушка, сменившая этим вечером своё скромное одеяние на роскошное платье, возможно, самую малость уступающее наряду её госпожи или хозяйки. Также она изменила причёску. Прежде забранные в пучок на затылке густые чёрные волосы были распущены и уложены в нечто высокое и замысловатое с ниспадающими локонами. Случись нам встретиться сейчас впервые, я мог бы ошибиться, приняв их за прелестных сестёр или беспечно прогуливающихся подруг. Как ни странно, за всё время общения с Алитой, я так и не удосужился узнать кем в действительности является эта девушка и почему постоянно и неразлучно сопровождает её. Отметив данный факт, решил обязательно задать этот вопрос, как только представится подходящий случай.

Подойдя ближе, баронесса критически осмотрела меня и вроде бы уже хотела о чём-то спросить, но в последний момент, видимо, передумала и, между нами, ненадолго повисла неловкая пауза. Внезапно будто повеяло холодком и внутри у меня исподволь возникло нехорошее ощущение. К счастью, длилось оно недолго, потому как Алита, молча взяв меня под руку, решительно увлекла вслед за собой внутрь полумрака салона.

Как оказалось, под необычным и красивым названием «театральный салон», скрывался обыкновенный головизионный зал, с той лишь разницей, что рассчитан он был на гораздо меньшее количество зрителей и оформлен куда как более шикарно, нежели чем все те, что до этого мне довелось посещать. Наша компания заняла один из центральных островков с тремя креслами. Спутница Алиты на этот раз не осталась стоять подле неё, а уверенно присела на свободное место и даже позволила себе отпустить негромкий комментарий, после которого между девушками завязалась беседа, прервать которую я так и не решился вплоть до начала сеанса. К своему удивлению, не мог не заметить, что беседуют они на равных, по крайней мере, внешне не проявлялось никаких признаков неравенства в их социальном статусе, а в этом вопросе, как я уже успел для себя уяснить, Алита была до чрезвычайности щепетильна. Подобная ситуация оставляла обильную пищу для размышлений и предоставила возможность строить различные гипотезы на сей счёт.

До какой степени я был неправ, самоуверенно отнеся головизионный зал к разряду заурядных, стало понятно с первых минут фильма. Различия явно скрывались не столько во внешней отделке, сколько в установленном головизионном оборудовании. Развернувшееся вокруг нас действо поражало своей реалистичностью и потрясающей красотой. Вращающиеся на триста шестьдесят градусов кресла позволяли при желании полностью охватить всю прелесть происходящего вплоть до мельчайших и незначительных деталей. Несмотря на откровенно мелодраматичную направленность картины, её просмотр доставил мне настоящее удовольствие, безусловно, более зрелищного, нежели чем содержательного характера. И хотя главная героиня, которую играла Келен Райт, на мой предвзятый взгляд непрофессионального критика была, как всегда, малоубедительна в своей роли, она честно отыгрывала стереотипы, так полюбившиеся её многочисленным поклонникам, к числу которых я себя не относил.

Чуть покрасневшие и влажные глаза Алиты по завершении сеанса однозначно свидетельствовали в пользу того, что просмотренная картина вызвала в ней искреннее сочувствие судьбе главной героини.

Не сговариваясь, мы проследовали на ярус выше театрального салона и вышли на закрытую прогулочную палубу. После только что виденного нами насыщенного буйства красок, окружившая нас обыкновенная оранжерейная зелень, обрамлявшая обе стороны прогулочной дорожки, казалась смазанной и блёклой. Алита присела на ближайшую ко входу скамью. Я расположился возле неё, глядя как выдуманная фантазия фильма, постепенно отпускает её, и она возвращается в реальный мир. Никогда прежде не случалось мне встречать настолько чувственной и ранимой девушки как она. Сердце моё наполнилось такой нежностью, что, не удержавшись, я осторожно взял её за руку. К моей радости, Алита не предприняла попыток высвободить её. Подняв на меня свои всё ещё слегка припухшие глаза, девушка поинтересовалась, понравилась ли мне посещённая нами картина. В такой момент я и помыслить не мог, чтобы хоть как-то расстроить её, а посему отставив саркастические комментарии, напрашивающиеся в адрес любого фильма, который когда-либо удостоила своим непосредственным участием в съёмках Келен Райт, я ответил, что картина мне очень понравилась.

– Она, моя самая любимая актриса. Я все картины с ней смотрела, а некоторые, вы не поверите, даже дважды, – доверительно сообщила мне Алита.

– Мне она тоже очень нравится, – пролепетал я.

Удовольствовавшись моими пространными ответами, Алита внезапно переключилась на другую тему.

– Дэвид, а почему на вашем мундире нет эполет и вензелей? Ведь это ваш парадный мундир, я не ошибаюсь?

– Всё правильно, – удивился я столь резкому переходу от одной темы к другой, – Но упомянутые вами элементы не приняты в военной форме Федерации.

– Жаль, очень жаль. Они так красивы и вам, безусловно, пришлись бы к лицу. Кроме того, всем вокруг сразу было бы ясно, что вы офицер военного, а не гражданского флота.

– Алита, все и так видят, что я – офицер военного флота!

– Все жители Федерации, возможно, но много ли здесь таких?

Она была права, среди наших попутчиков я видел очень мало людей которых мог безошибочно отнести к числу своих сограждан. Может их большая часть следовала в бизнес-классе, но здесь они были в явном меньшинстве.

– Вот поэтому я перепутала вас тогда, ну вы помните. Я так рада, что вы не обиделись. Просто понимаете, ваша форма очень похожа на ту, что носят здешние... – Алита замолчала, пытаясь подобрать верное слово.

– Я вас понял, Алита, не продолжайте, – как можно тактичнее я прервал её.

– Вы не обиделись?

– Конечно же, нет. Просто раньше я не рассматривал эту ситуацию, с такой точки зрения. Честно говоря, мне это даже в голову не приходило.

– Дэвид, если мы с вами понимаем друг друга, то почему бы вам не одеваться во что-то менее провокационное? – и Алита, по-прежнему не вынимая свою ручку, немножко сжала мне ладонь.

Не оставалось ничего иного, кроме как, поведать ей о постигших меня злоключениях при перелёте на Танну. Весь рассказ Алита сочувственно кивала. Когда же я окончил своё повествование, она сказала:

– Бедненький мой, Дэвид, – при этих словах моё сердце затрепетало в груди, как только что пойманная птица в клетке. От волнения я резко захлопнул рот, чтобы оно ненароком не вырвалось наружу. – Вы не успели переоформить свой багаж, надеюсь, они вскоре переправят его вам на Яньян.

Сделанный Алитой вывод обескуражил меня, но я не стал её разубеждать.

– А давайте завтра мы подберём вам что-нибудь, более подходящее? Ассортимент местных магазинов – это, конечно, не бог весть что, но на первое время сойдёт.

Я ответил согласием на её предложение, и обрадованная моей покладистостью Алита воскликнула:

– Вот и славно, – а затем быстро чмокнула меня в щёку.

Не успел я ещё хоть как-то отреагировать на это проявление девичьих чувств, как в моём поле зрения появилась покинувшая нас прежде спутница Алиты. Завидев её, Алита вынула свою тёплую ладошку из моих рук и сказала ей несколько слов, оставшихся на сей раз для меня без перевода. Выслушав её, девушка молча развернулась и снова ушла, оставив нас наедине. Посчитав данный момент наиболее подходящим и желая разрядить обстановку, я полюбопытствовал кем является Алите эта девушка и почему, она неизменно сопровождает её. Из дальнейших объяснений выяснилось, что немногословную девушку зовут Херминия. При Алите она состоит в качестве компаньонки и неотлучно пребывать всегда рядом с ней лишь одна из её многочисленных обязанностей. Несмотря на столь своеобразный статус, Херминия относится не к числу слуг, а к разряду наёмных высокооплачиваемых специалистов, оказывающих помощь юным барышням, подобно Алите покинувшим отчий дом ради путешествий. На родной планете Алиты такого рода специалисты большая редкость, но её папенька выписал Хермению из самой Империи, а иначе не видать бы Алите курортов Яньян как своих милых розовых ушек.

По мере того, как Алита рассказывала о себе, становилось всё более очевидным то, о чём я и сам начал догадываться чуть раньше, сопоставляя воедино обрывки наших разговоров и оброненных ею фраз. Будучи уроженкой одного из независимых миров, чья форма правления представляла собой классический неофеодализм, Алита являлась единственной дочерью графа, владения которого на его большую удачу оказались богаты залежами какого-то редкого металла или минерала, чего именно Алита не помнила, да и не считала такие, с её точки зрения, несущественные детали, заслуживающими труда их запоминать. Главное, что позиции её отца значительно упрочились в свете данных событий и это позволило ему внушительно расширить владения за счёт менее успешных соседей. Обойдясь без применения грубой силы, попросту купив их земли. Это, в свою очередь, ещё больше увеличило его влияние среди местной знати. Прогрессивные взгляды графа, справедливо полагавшего что одного накопления капитала вовсе не достаточно для того, чтобы считать обеспеченным будущее своих отпрысков, заставляли его инвестировать в их образование. Звёздная система, в которой родная планета Алиты была единственным заселённым миром находилась под негласным патронажем Империи. Близость к имперским границам, амбициозные устремления и активные торговые операции её отца, позволили получить Алите прекрасное, по её собственной оценке, образование. Папенька никогда не скупился на учителей и при дворе всегда присутствовали лучшие преподаватели, которых ему удавалось заполучить для дочери и двух его законных сыновей. Её старший брат ныне третий год получал военное образование в Ахенаре, как особо подчеркнула Алита: «Самой столице Империи!» Младший братик пребывал на попечении домашних наставников и должен в будущем, по словам её отца, освоить стезю экономиста, дабы в надлежащее время принять на себя ношу управления финансовыми делами старшего брата – будущего наследника графского титула. Сама же Алита с папенькиного благословения была отправлена посмотреть большой мир. С какими целями осталось для меня совершенно неясным, так как неожиданную точку в нашей беседе поставила Херминия. Демонстративно подойдя, она молча встала напротив нас с немим укором глядя на Алиту. Моя прекрасная собеседница с сожалением вздохнула, позволила поцеловать ей на прощание ручку и как мне почудилось с нежностью во взоре пожелала спокойных снов, а затем неспешно удалилась сопровождаемая

своей строгой компаньонкой. Я проводил глазами две ладно скроенные девичьи фигурки и как сомнамбула направился в свою каюту.

Уже лёжа в слишком широкой для меня кровати, совсем не способствующей, на мой взгляд, тому, чтобы отходить ко сну в одиночестве, я перебирал в памяти отдельные моменты наших сегодняшних встреч с Алитой. Временами блаженно улыбаясь собственным мыслям, а иногда в тревожном волнении думая о взаимности чувств. Впереди всего лишь два дня, а затем каждый из нас отправится к месту проведения своего отдыха. Слепая случайность что на миг свела нас вместе, теперь разлучит навсегда. От горьких мыслей становилось не по себе. Должен существовать какой-то выход. Возможно, следует открыться в том, что я испытываю к ней? Но что она подумает обо мне? Скоропалительность моих чувств может её отпугнуть, но разве лучше промолчать и потом весь остаток жизни корить себя за упущенный шанс? Потерять любимого человека из-за страха быть отвергнутым или показаться смешным? Глупо, всё так глупо! Конечно же, раз я люблю её, то, несомненно, должен открыться ей, а дальше пусть она решает, как надлежит поступить с моим чувством. Приняв такое решение, я начал было думать о том, что может случиться дальше, если Алита признается, что также любит меня. Помнится, моей последней мыслью была: «Интересно как отреагирует моя маменька, когда узнает, что её невесткой окажется баронесса», – но на этом, не дав полной воли пробудиться доселе дремлющему во мне честолюбию, я заснул.

Глава 3. В которой герой понимает, что не догнал удачу, а убежал от неё

Путру мой пыл не иссяк. И хотя разрозненные и противоречивые мысли всё ещё витали в голове, ближайшие возможные перспективы виделись уже не в столь радужном свете, нежели чем совсем недавно. Даже если Алита ответит взаимностью на моё чувство, что я смогу ей предложить? Выйти замуж и отбыть вслед за мной к месту службы на далёкий аванпост? На ближайшие десять лет обречь себя на добровольные скитания из одной системы в другую? Бросить благородную родню и влиться в дружную семью Федерации? Во имя чего? Или же я, по её представлению, должен буду предать свою родину ради любви? Данный вариант совершенно невозможен, а если так, то вправе ли я просить её поступить таким образом? Да и вообще, каково моё место в их наследной иерархии? Боюсь себе даже представить. Сомневаюсь, что подобный мезальянс приемлем для самой Алиты, не говоря уже о её знатном родителе.

И тем не менее несмотря ни на какие преграды я был полон решимости действовать в соответствии с принятым вчера планом. Я обязан сказать Алите о том, что люблю её, быть честным с нею и принять её ответ как должное, каким бы горьким он ни был.

Во время завтрака Алита заметив моё подавленное состояние, справилась о том нездоровиться ли мне. В ответ я заверил её в своём отличном здравии и попросил ненадолго повременить с посещением магазинов, совершив вместо этого небольшой променад на прогулочной палубе. Алита легко согласилась с моим предложением, не выказав никакого удивления или недовольства.

Херминия дипломатично отстала от нас, предоставив возможность побыть вдвоём. Мы не стали останавливаться у первой попавшейся нам скамьи и прошли почти до самого выхода с палубы, не дойдя, наверное, шагов пятидесяти до следующей двери, ведущей, как я помнил, к спортивному залу и бассейну. Остановив свой выбор на достаточно уединённой от посторонних глаз и утопающей в цветущей зелени беседке, показавшейся как можно лучше соответствующей намеченной мною цели, я предложил своей избраннице присесть.

До нашей встречи у меня уже имелся небольшой и весьма односторонний, можно даже без особого преувеличения сказать узкоутилитарный опыт общения с противоположным полом. Часто для быстротечных, необременительных отношений с моими знакомыми девушками вовсе не требовалось никаких признаний, и раньше мне никогда не приходилось испытывать такого душевного смятения и нерешительности. Собравшись с силами, я начал было говорить, но слова давались с необычайным трудом, то и дело я сбивался, подспудно ощущая, что говорю не то, не о том и не так. Лепетал что-то про гигантскую пропасть, разделяющую нас, сердечные муки, родственные души и прочее такое же неизменно сентиментальное, избитое и глупое. Алита со стоическим спокойствием сносила мои сумбурные речи. Ни разу не прервав меня она, глядя вниз, мило склонила свою головку слегка в сторону и острым узким носком туфельки вычерчивала на пластиковой дорожке одной ей зримые фигурки. Её точёный профиль не выражал абсолютно ничего. Тщетно я силился проникнуть сквозь бесстрастную непроницаемую маску и понять, какие мысли витают в её голове. Мой косноязычный затянувшийся монолог прервала раздавшаяся со стороны двери нечленораздельная речь, звучащая неподобающе громко для места умиротворённого отдохновения. Затем послышался приближающийся тяжёлый топот. Уже знакомая мне гримаса раздражения возникла на лице Алиты.

Решительно поднявшись, она вышагнула из укрывавшей наш приют листвы и в негодовании вскричала на своём родном языке. Не отставая ни на шаг, я тут же последовал за Алитой. Коммуникатор послушно, как всегда, без эмоционально перевёл:

– Вы что себе позволяете?! Поганая чернь, как посмели появиться здесь?!

Игнорируя разгневанную Алиту, мимо нас в быстром темпе проследовали двое низкорослых смуглолицых мужчин. Среди сравнительно небольшого и уже примелькавшегося общества туристов первого класса мне ранее не случалось встречать никого из них. Поразительно, подумал я, как эти двое, безусловно, относящиеся к пассажирам бизнес-класса, смогли миновать столь тщательно соблюдаемые на судне меры предосторожности и сумели настолько далеко пробраться на запретную для них территорию?

В недоумении я вышел из заросшего листвой укрытия и поравнялся с Алитой. Стоило мне сделать это, как ближайший к нам мужчина прежде никоим образом не реагирующий на обильно исторгаемые в его адрес оскорбления, заметив моё появление, закричал своему напарнику: «Здесь офицер!» и неожиданно направил в мою сторону непонятно откуда взявшийся в его руке пистолет.

Практически незамедлительно раздался хлопок одиночного выстрела и меня сильно ударило в правое плечо, следом почти одновременно прозвучали два выстрела, сливаясь в единый звук. Оцепенев от шока и не чувствуя боли, я медленно отмечал разворачивающиеся вокруг события, воспринимая их отстранённо будто зритель в головизионной зале. Как только первый из нападавших выхватил пистолет, Алита инстинктивно отшатнулась, сделав шаг назад, тем самым невольно перекрыв линию огня второму стрелку, также метившему в меня и следующая предназначавшаяся мне пуля, попала ей в голову. Дёрнувшись, тело Алиты безвольно опало на пол. Третьим стрелком была Херминия. Не успев на какую-то долю секунды, она на бегу разрядила своё оружие в спину убийцы Алиты и с короткого разбега оттолкнувшись, мощным ударом ноги отбросила его тело в сторону последнего оставшегося в живых негодяя. Но всё это было мне безразлично. Ни на что более не глядя, я присел к лежащей на боку Алите, бережно взял её голову в свои руки и повернул лицом к себе. Ничего уже невидящие глаза были широко распахнуты. На милом и дорогом мне лице застыло выражение крайнего изумления, не испуга, нет, именно изумления от невозможности и чудовищной непостижимости всего происходящего. Я попытался убрать ей с лица волосы, но лишь измазал её в крови. Сзади раздался сдавленный вскрик, затем неприятный хруст и шум борьбы прекратился. Подскакивая ко мне Херминия быстро взглянула на смертельную рану Алиты. Для пущей верности приложила пальцы к жилке на её шее, после чего не мешкая отстранилась. Подхватив валяющийся неподалёку пистолет, протянула его мне рукоятью вперёд сопровождая своё действие словами:

– Рука работает? Стрелять сможешь?

Всё ещё баюкая в своих ладонях голову Алиты, я непонимающе уставился на неё. Херминия оценив моё состояние, заткнула пистолет себе за пояс, а затем схватив меня под здоровую руку с неожиданной для её комплекции силой, рывком потянула вверх.

– Вставай и быстро уходим.

Подчиняясь чужой настойчивой воле, я поднялся, но мой взгляд по-прежнему был прикован к раскинувшемуся на палубной дорожке телу любимой.

– А как же Алита? – хрипло вырвалось из моей груди.

Хлесткий внезапный удар по щеке, который нанесла Херминия, несколько отрезвляюще подействовал на меня.

– Очнись, чёрт бы тебя побрал, слюняй и бежим отсюда! – с нескрываемой злобой закричала она.

Цепко схватив мой левый локоть, девушка потащила меня вслед за собой к дальнему выходу, и мы побежали, распугивая своим видом туристов, с любопытством поспешающих к месту недавней пальбы.

Беспрепятственно покинув прогулочную палубу, мы ненадолго задержались у выхода. Дождавшись, когда сойдутся створки двери Херминия легко выбила декоративную панель, прикрывающую блок управления переборкой, после чего выстрелила в оголившиеся электронные внутренности. Раздался сухой щелчок, но выстрела не последовало. Однако мою спутницу это ни на миг не остановило, она даже не стала менять пистолет просто левой рукой ударила снизу по магазину, и сноровисто передёрнув затвор, повторила попытку, оказавшуюся на этот раз удачной. Заискрило и запахло горелой изоляцией. В тупом оцепенении я безучастно наблюдал за действиями этой странной девушки, без удивления констатируя про себя все совершаемые ею поступки. Кроме прочих странностей, я также отметил, что она свободно говорит на моём родном языке и, опять же, в тот момент это не поразило меня.

Заблокировав электронику двери столь варварским, но действенным способом Херминия снова протянула трофейный пистолет и, на этот раз, я рефлексивно схватил его. Удовлетворённая проявленной мною ответной реакцией она мельком бросила взгляд на моё простреленное плечо и как бы невпопад сказала:

– Дешёвая распечатка, хватит ещё на пару выстрелов и всё, – затем наставительно добавила. – Без толку не пали и зажми рану левой рукой.

Удостоверившись, что я беспрекословно выполняю отданные мне команды, Херминия развернулась в явном намерении двигаться вниз по направлению к жилым ярусам.

Только здесь я начал выходить из ступора и остановил её своим криком:

– Стой! Лазарет там, – мотнув головой в сторону медблока, я собрался уже следовать указанным самым собой курсом.

– Да чтоб тебя! – выругалась Херминия. – Начинай соображать. Давай ходу к спаскапсулам и живо.

В это мгновение без предупреждения погас корабельный интерфейс.

– Началось, – вслух отметила случившееся Херминия, хищно ухмыльнулась и, не мешкая более ни секунды, устремилась вниз по лестничному пролёту. Машинально развернувшись, я потрусил следом за ней.

К собственному стыду, надобно признать, что для военного офицера я вёл себя неподобающе и вдобавок непозволительно туго соображал. Минуя лестницы, проходы и переборки я старался не отстать, не выпустить из виду всё дальше и дальше удаляющуюся от меня спину девушки. Возможно, если бы она настороженно не притормаживала у каждой двери или поворота, то окончательно потеряв её из поля зрения, я перестал бы слепо следовать за ней и принялся действовать самостоятельно. Однако этого не происходило, и я продолжал бежать механически переставляя ноги, а в голове у меня со скрипом ворочались мысли. С чем мы столкнулись, и кто были те убийцы? Неужели пираты? Кто такая Херминия и где она взяла оружие? Откуда появились пираты во внутренних секторах? Какой смысл захватывать такое огромное гражданское и неповоротливое судно, если ты не сможешь пройти на нём и пару систем без того, чтобы не оказаться заблокированным командой перехвата. Да и без дозаправки далеко уйти попросту невозможно, а где заправлять такого монстра? Тут я вдруг не к месту вспомнил, что по корабельному уставу по сигналу тревоги обязан в экстренном порядке занять закреплённый за мной боевой пост, но я не член экипажа и куда мне в таком случае надлежит прибыть? На командный пункт корабля? Впрочем, тревоги объявлено не было хотя налицо нештатная ситуация. Так как же мне следует поступить и кто, в конце концов, такая Херминия?! Замкнувшись мои мысли принялись вращаться по кругу.

За весь путь до отсека со спасательными капсулами мы так и не встретили ни одного члена команды, лишь изредка попадались пассажиры, да и те пребывали в состоянии общей растерянности. Сбившись в небольшие группки, они негромко переговаривались между собой. Никто из них даже не рискнул нас окликнуть. Достаточно было бросить взгляд на мой пропитанный кровью рукав, как у них напрочь пропадало всякое желание задавать нам любые вопросы.

В голове у меня уже начало гудеть, пульсирующая боль горячо жгла плечо, в то время как пальцы немели от холода. Перестав зажимать рану, я перехватил пистолет здоровой левой рукой боясь, что из раненой правой он у меня попросту выпадет. Убедившись, что в эвакуационном отсеке никого нет, девушка кинулась к первой от входа капсуле и принялась её активировать. Как только я в бездействии застыл рядом с ней, она снова выругалась и скомандовала, чтобы я не стоял истуканом, а занялся активацией соседнего аппарата.

– Зачем, мы не должны... – начал было я, но был грубо прерван.

– Заткнись, идиот и делай что тебе говорят! – рявкнула было она, а затем, видимо, уловив что-то в моих глазах, тут же значительно мягче и просительно добавила, выделяя каждое слово. – Дэвид, пожалуйста, делай в точности так, как я тебя прошу.

Отставив пререкания, я засунул оружие в брючный карман и занялся капсулой. С самого начала процесс пошёл плохо, я тупо раз за разом прикладывал ладонь здоровой руки к сенсорной панели, пока до моего сознания не дошёл тот факт, что корабельный интерфейс вырубился ещё несколько минут назад и с этого момента всё надлежит делать вручную: вскрывать пломбу, переключать рычаг стопорного механизма и открывать люки. С пломбой я справился относительно быстро, а вот рычаг... Стоило мне за него взяться и с силой потянуть вниз, как в глазах тотчас же начало темнеть и шум, плескавшийся до этого в ушах, начал обволакивать меня с головой. Не отпуская рукоять, я попробовал повиснуть на ней пытаясь заставить её опуститься под весом моего тела, но рука предательски соскользнула с рычага, и я грузно осел на пол завалившись на левый бок. В это же время переборка в противоположном крыле сдвинулась, и в отсек проникли ещё двое человек. Будь они даже безоружны я всё равно смог бы

безошибочно опознать в них сообщников убийц, хладнокровно расстрелявших мою Алиту. Не успел я ещё ничего толком предпринять, как Херминия выхватив оружие, скользнула вниз и оказалась лёжа рядом со мной прикрывшись от противника моим телом как естественной преградой. На мою удачу выстрелить успела только она, оба незваных гостя как подкошенные осели на палубу, дверь за их спинами тихо скользнула в пазы.

Легко поднявшись, девушка оценила более чем скромные плоды моего труда и на мгновение застыла, видимо, решаясь на что-то, после чего сделав одной ей ведомый выбор начала действовать ещё быстрее, чем прежде. Рванувшись к своей капсуле, распахнула внутренний люк, затем, не снижая темпа, подхватила меня под руки и чуть приподняв, волоком подтащила к аппарату. Я безрезультатно силился встать на ноги, но ослабевшее тело плохо слушалось и всё на что меня хватило так это судорожно извиваясь как червь не дать себе застрять в проходе, пока Херминия не считаясь с моим состоянием, грубо проталкивала меня в капсулу. Только из-за острых болевых ощущений я и не потерял сознания, оставаясь на той грани действительности, когда окружающее воспринимаешь больше животными инстинктами чем разумом.

Вывалившись из люка, я ничком застыл на полу, не имея сил принять иное более удобное положение. Накатила дурнота, в глазах сначала побелело, затем, наоборот, всё заволокло непроглядной чернотой. Звуки доносились до меня словно сквозь неисправный шлемофон.

По резкому толчку и навалившейся тяжести я осознал, что мы катапультировались. Отработав положенное двигатель капсулы смолк, и наступившая невесомость подарила мне краткое облегчение. Тьма перед глазами сменилась тусклым аварийным освещением. По инерции меня поволокло вперёд, и я чуть было не вписался головой в Херминию. Притормозив мой полёт, она придала мне иной вектор движения, лёгким толчком отправив к ближайшему поручню. Я не мог не заметить, что девушка уже основательно распотрошила электронное нутро управления спасательной капсулы и проворно орудует в нём. При виде этой картины невольно вспомнилось, как немногим ранее она поступила, чтобы заблокировать выход с прогулочной палубы. Меня почти передёрнуло от страха, когда я предположил, что она может совершить нечто подобное сейчас. Стоило подумать об этом, как девушка отсоединила небольшую плату и сразу несколько индикаторов на блоке управления начали мигать красным.

– Что ты творишь? – только и смог я силло выдавить из себя, справедливо полагая, что начинают сбываться мои худшие опасения.

– Оставила паникёра без голоса, – на её лице расплылась довольная улыбка. Уловив непонимание в моём взгляде Херминия с деланной серьёзностью доложила, – Включила режим радиомолчания, сэр!

– Зачем? – воскликнул я, но этот мой вопрос она оставила без внимания.

– Рада, что ты решил не умирать, – подплыв ко мне, девушка откинула сидение и принялась с помощью ремней фиксировать в нём моё положение. – А то я уже было начала корить себя за собственную глупость, как только представила, что сама по доброй воле обрекла себя на уединение с покойником в столь тесном убежище. Жуть!

– Шесть человек, – тихо произнёс я.

– Чего? – Херминия перестала возиться со мной и с тревогой посмотрела мне в глаза.

– Здесь вовсе не тесно, – длинные предложения давались с трудом и приходилось заставлять себя продолжать говорить. – Капсула рассчитана на шесть человек. Ну или трупов, если не повезёт.

– О, значит, пытаемся шутить? Так держать! Ладно, тогда сейчас будем играть в доктора. Ты боишься уколов? – всё это Херминия говорила, роясь в бортовой аптечке. Теперь уже я оставлял её вопросы без ответа, но не в отместку, а понимая, что говорит она исключительно для того, чтобы я не отключился, заставляя меня постоянно реагировать на внешние раздражители. Молча наблюдая за тем, как она перебирает содержимое аптечки я видел, как с её лица исчезает деланно весёлое выражение.

Прежде чем заняться моей раной Херминия разрежала тупоконечными ножницами насквозь пропитанный кровью рукав мундира и аккуратно стащила его. Тоже она повторила и с рубашкой, а затем, сделав пару инъекций, убрала обратно оказавшийся бесполезным в моём случае жгут и занялась обработкой раны. Стараясь сдерживаться, я лишь со свистом втягивал воздух сквозь плотно сжатые зубы, но немногим позже расслабился и обмяк почувствовав, что боль притупляется и уже не так сильно беспокоит меня. Профессионально точные и ловкие движения, с которыми Херминия манипулировала медицинскими принадлежностями не оставляли сомнения в том, что делать это ей приходится не в первый раз. Пока она занималась моим плечом, я в упор без стеснения разглядывал её. Странно, сперва, пока Алита не разъяснила, кем на самом деле является Херминия, я считал их ровесницами, затем думал, что она, возможно, чуть старше меня. Сейчас же глядя ей в лицо, я гадал, а не ошибся ли в очередной раз. Почувствовав мой настойчиво изучающий её взгляд, Херминия прекратив меня бинтовать, в ответ посмотрела мне прямо в глаза. Поддавшись внезапному интуитивному порыву, неожиданно для самого себя я спросил:

– Как тебя зовут?

От удивления её брови резко поднялись, образовав несколько горизонтальных морщинок на лбу. Лицо приняло даже чуточку обиженное выражение, которое, впрочем, очень быстро исчезло, и лукавая улыбка заиграла на её губах.

– Можешь называть меня «Фернандой».³

– Это твоё настоящее имя?

– Нет, но поверь оно ничем не хуже прежнего.

Её ответ я принял как должное, будучи, видимо, уже внутренне готов к чему-то подобному.

– А, Алита...⁴ – я так и не закончил фразу, однако Херминия или теперь уже «Фернанда» поняла меня без лишних слов.

– Да, она была настоящей, как и её имя.

³ (испанский: имя имеет значение «подготовленная к поездке», «отважная путешественница»)

⁴ (испанский: имя имеет значение «благородная»)

При воспоминании об Алите у меня в горле встал ком, дыхание перехватило, и на глазах выступили слёзы. Устыдившись несдержанности своих чувств, я, забывшись, порывисто отвернулся и сорвавшийся с век капельки, подрагивая на лету, поплыли по отсеку. Сделав вид, что не замечает этого, девушка закончила перевязку и занялась инспектированием капсулы. Длительная пауза повисла между нами. За то время, пока я сидел с головой погружившись в свои горестные мысли, Херминия успела проверить запас пищевых концентратов и воды, повертелась у небольшого иллюминатора пытаясь что-то в него высмотреть, после чего расположилась в кресле напротив меня защёлкнув на талии ремень безопасности. Мне и самому надлежало не пребывать в прострации, а воспользовавшись интерфейсом капсулы проверить показания бортовых приборов, но я не мог найти в себе для этого достаточное количество сил. Перед моим мысленным взором то и дело всплывали трагические детали сегодняшних событий. Затянувшееся меж нами молчание прервала Херминия.

– Дэвид, я могу себе представить, что ты чувствуешь и о чём думаешь.

В ответ я лишь саркастически ухмыльнулся. Глядя на неё у меня создалось чёткое ощущение того, что всё случившееся с нами за последние два часа, она воспринимает поверхностно и как-то не всерьёз. Прежде за всю свою жизнь я не видел ни одного настоящего убийства, невыдуманного и тщательно срежиссированного постановщиками головизионных шоу, с эффектом присутствия и полного погружения в излишне кровавые подробности и смакуемые детали, должны вызывать у зрителя щекочущее нервы чувство эмпатии, а реального убийства обычного живого человека. Ныне же я стал очевидцем пяти смертей, и что особенно важно одной из жертв была Алита.

– Тебе её совсем не жаль? – упрёк, прозвучавший в моём вопросе, неожиданно сильно задел Херминию.

– Не жаль?! – громко и с издёвкой переспросила она. – А что ты вкладываешь в это слово «жаль», мальчик? Пускание соплей и страдальческие мины? Или пафосные речи над телом безвременно погибшей и единственной навеки любимой? Возможно, твоё «жаль» это скорбные вздохи и клятвы мести? Если всё это так, то прости, я никак не смогу разделить с тобою твоё «жаль».

Не ожидавший такого словесного отпора от этой маленькой девушки, внезапно принявшейся отчитывать меня как зарвавшегося мальчишку, я ошарашенно умолк, а она тем временем продолжала:

– Я потратила на этого ребёнка год своей жизни. Питала надежды гораздо большие чем её отец, вложивший в неё целое состояние, и всё рухнуло в одно мгновение лишь потому, что одному безмозглому и влюбчивому юнцу приспичило разбить своё сердце у её ног этим несчастным утром. Не допусти она сегодня одну нелепую случайность, не соверши один опрометчивый шаг и ты – «верный сын Федерации, с отчаянной храбростью вступивший в неравный бой с врагами своей прославленной Родины и колыбели Человечества», лежал почивший героической смертью, а Алита была бы здесь и сейчас, со мной. Думаешь она вспоминала бы о тебе? Если так, то зря. Ты слишком переоцениваешь свою роль, – язвительная желчь в голосе Херминии сменилась на горечь сожаления. – Как было бы приятно спихнуть всю вину за её смерть на тебя, но нет, во всём виновата только я одна... Граф отправил дочь не прохлаждаться на курорте, как подумалось тебе: «Ах, эта праздная аристократия, пустые прожига-

тели жизни». Нет, девочке была уготована другая судьба, и она прекрасно несла свой крест. Полезные знакомства, нужные связи, богатый опыт, удачное замужество – всё, что только может принести пользу семье, всё, что поможет ей взойти ещё выше, занять новую более значимую иерархическую ступень. Она была не менее амбициозна, чем отец и не в пример жёстче и умнее его. Что тебе известно о её мире? Ничего кроме того, что вбивали вам в головы на лекциях по сравнительной политологии: «Отсталым мирам, находящимся вне сферы влияния Федерации часто присущи изжившие себя ещё несколько тысячелетий назад феодальная или родословная формы государственного правления. Основными характерными чертами которых являются: общий упадок, крайне неэффективная система управления, низкий уровень производства, политическая раздробленность и непрекращающиеся внутрисистемные распри.» Верно, не так ли? Можешь не отвечать, я знаю весь этот бред получше твоего. Ты взаправду считаешь, что мог хоть чем-то её привлечь? Она решилась встречаться с тобой только потому, что я настояла на том, чтобы не упустить удачного случая попрактиковаться в нехитрых женских премудростях. И поверь, мне пришлось приложить немало сил убеждая её отбросить кастовые предрассудки и пойти на лёгкий флирт с тобой. Знаешь, кем ты был в её глазах?

– «Необразованный дикарь» – возмущалась она.

– «Скорее всего, неискущённый юноша», – вторила ей я.

– «Самовлюблённый болван!» – парировала Алита.

– «Нет. Просто жаждущий внимания и тщеславный молодой офицер», – вновь смягчала я.

– «Безвкусный попугай!», – настойчиво и неумолимо гнула она свою линию.

– «Нет, пожалуй, симпатичный провинциальный простак. Как бы то ни было», – настаивала я: «Это удобная мишень и прекрасная возможность добиться своего. Ситуация, в которой удовольствие может принести только достигнутый результат. Кроме того, он следует на Яньян первым классом, и кто знает, может мальчик не так уж и прост?», – на мою беду, она согласилась со мной.

Каждая произнесённая ей фраза больно жалила моё сердце, каждое сказанное слово жестоко хлестало наотмашь, а я не мог ни отразить, ни увернуться от этих без промаха ранящих моё самолюбие ударов. Я верил и одновременно не верил ей, хотя последнее было скорее защитной реакцией. Тем временем Херминия беспощадно продолжала:

– Что ты хотел предложить ей, Дэвид? Простую, но честную жизнь? Что думал бросить к её ногам? Свой белый нарядный мундир?

Она смеялась надо мной и мне нечем было ей возразить.

– Гордая, вспыльчивая девочка она так и не научилась полностью контролировать себя. Будь ты в своём любовном признании не так тривиален и скучен, она бы дослушала тебя до конца, не отвлекаясь по мелочам. Она была бы жива. Не о ком тебе сожалеть! – зло отрезала Херминия, – Истинной Алиты ты не знал. Попался на собранный нами на скорую

руку гештальт⁵, влюбился в собственные фантазии и милое личико. И не говори мне больше про своё «жаль»!

Как ни был я обижен и ошеломлён внезапно открывшейся мне правдой, я не мог не заметить слёз в её глазах. По привычке Херминия подняла руки, чтобы смахнуть слезинки, но они, испуганно вспорхнув, сорвались с её пальцев и заплескались в воздухе. Безотчётно я провожал взглядом их полёт. Пусть всё обстоит в точности так, как она сказала. Пусть так! Разве в конечном счёте это что-то меняет? Какой бы на самом деле она со мной ни была: подлинной или притворной, искренней или двуличной, отныне это лишено смысла и не имеет никакого значения. Ведь Алиты больше нет.

Высказавшись, Херминия потеряла ко мне интерес и вскоре уснула или просто сделала вид, что спит. Предоставленный сам себе, по мере того как прекращалось действие обезболивающего я получил очередной жизненный урок. Оказалось, что терзания духа не имеют особого преимущества перед муками плоти. Чтобы хоть как-то отвлечься я вошёл в меню управления капсулы. Запустив самодиагностику, убедился, что все системы работают исправно за одним исключением. Блок приёма-передачи эфирных данных определялся как неремонтопригодный и подлежащий полной замене. Херминия добила своё. Сигнал бедствия был деактивирован. Хотя зачем ей это понадобилось всё ещё оставалось для меня загадкой. Переведя обзор на внешние сенсоры, я не поверил своим глазам. Едва различимый без увеличения силуэт «Лейклэнда» по-прежнему висел в пространстве. Судя по всему, судовые двигатели были выключены, корабль обездвижен и лишь приданное капсуле при катапультировании ускорение постепенно всё дальше удаляло нас от него. Хотел бы я знать, что сейчас происходит на борту лайнера и не поторопилась ли Херминия с эвакуацией, заодно втянув в поспешное бегство и меня. Когда всё окончится и дело дойдёт до серьёзных разбирательств стыда не обещаюсь. Сбежал как крыса.

Оглядев ещё раз ближайшее пространство, я не смог визуально засечь ни одной спасательной капсулы. То, что «Лейклэнд» до сих пор не покинул систему, пожалуй, следует отнести к хорошим новостям. Скорее всего, пираты или кто бы это ни был, уже схвачены или заблокированы и ожидается подход оперативной группы сектора с командой спасателей.

В любое другое время я непременно полюбовался бы на это огромное и мощное судно, но данный момент не располагал к созерцанию красот, да и смотреть было особо не на что. Корабль виднелся лишь едва. Мы находились с его теневой стороны, и даже оптическое увеличение не позволяло ничего толком рассмотреть. Повесив окошко так, чтобы не упустить ни малейших изменений в окружающей обстановке, я принялся производить расчёты, стараясь определить, сколько может потребоваться времени на прибытие оперативников. Выходили весьма оптимистичные показатели. Надо будет, как только они пойдут на стыковку с «Лейклэндом» сказать Херминии, чтобы она вставила обратно блок связи. Впрочем, лучше скажу ей сразу, как она проснётся или... От неожиданности я не смог удержать вырвавшийся у меня из горла вскрик. Яркая вспышка на краткий миг полыхнула в том месте, где не долее чем мгновение назад неподвижно висел наш корабль. Херминия спросонок дёрнулась, ремни тут же натянулись и вернули её тело обратно в сидячее положение. Вопросительно уставившись на меня, она поймала мой расфокусированный взгляд. Через секунду сместившись на внутренний интерфейс её взор также затуманился, но смотреть было уже не на что. Разлетающиеся обломки и мусорное облако в эпицентре того, что совсем недавно было одним из самых круп-

⁵ (Gestalt, в переводе с немецкого – личность, образ, форма)

ных в Галактике гражданских судов, королём грузовых и пассажирских перевозок, гордостью имперского кораблестроения, кораблём класса «Балейна».

Не выказав ни малейшего удивления, Херминия подплыла к аптечке и выудила из неё скальпель, заставив меня невольно напрячься, а затем, расстегнув стягивающий её талию декоративный пояс, стала распарывать его на части. Кто-то из нас двоих явно тронулся рассудком, но несмотря на то, что творящиеся вокруг меня сегодня события всё больше напоминали горячечный бред и мой разум временами отказывался верить в происходящее, я готов был спорить на то, что пока ещё не сошёл с ума. Однако, как выяснилось, в действиях Херминии крылось здоровое зерно. Разделавшись с поясом, она выудила из него наружу маленькую полупрозрачную плату и принялась подсоединять её к блоку управления. Вскоре тревожно мерцавшие красным огоньки индикаторов погасли и интерфейс выдал сообщение о том, что функционирование блока связи восстановлено. Капсула начала вещание сигнала бедствия, только использовалось для этого отнюдь не штатное устройство.

– Как твоё самочувствие? – Херминия застыла около меня. – Рана болит?

– Болит, – подтвердил я, не в силах игнорировать её.

– Сильно болит?

– Терпимо, – я попытался придать лицу беспечное выражение. Вышло, наверное, неубедительно.

Девушка ощупала плечо, проверила повязку и коротко спросила:

– Спал?

– Нет.

– Ел?

– Нет.

С укоризной покачав головой, Херминия взяла концентраты и толкнув один из них по направлению ко мне, опять уселась напротив.

– Дэвид, тебе придётся потерпеть.

– Чего потерпеть? – не понял я.

– Моё общество, – она как ни в чём не бывало улыбнулась, но заметив мой всё ещё ошалелый и растерянный взгляд, вздохнула. – Шучу. У нас мало обезболивающего, да и вообще... Какой идиот комплектовал аварийные аптечки? Что же у вас всё так...

В раздражении она сдвинула тубик сильнее, чем того требовалось, и выдавленная порция струёй вылетела в мою сторону. Я еле-еле успел убрать свою голову, как рядом с ней что-то чавкнуло и срикошетившие от обшивки остатки пищи залепили мне ухо. Не успел я прийти в себя, как раздался оглушительный взрыв хохота. Херминия смеялась, смеялась от души,

не жеманничая во весь рот, лицо её покраснелось, на глазах выступили слёзы. Несколько раз она порывалась, что-то сказать, но лишь нечленораздельная речь, вырываясь, булькала из её горла. Наконец, нахотавшись вдоволь, она смогла выдавить из себя.

– Ну хоть здесь ты сподобился увернуться.

Незаметно для себя я тоже начал посмеиваться, стараясь при этом не сильно тревожить рану. Надо полагать, всё это было чисто нервное и моя реакция и её, но именно благодаря этому моменту прочный лёд в наших отношениях начал стремительно таять.

Отсмеявшись, Херминия сообщила:

– Имеется ещё одна хорошая новость, – сделав непродолжительную паузу и убедившись, что смогла привлечь моё внимание, она добавила. – Еды у нас хоть отбавляй!

– И как долго мы планируем здесь столоваться? – я постарался вложить в свой вопрос двоякий смысл. Проявленные мною старания были явно излишни, за время общения с этой странной девушкой у меня начало складываться стойкое впечатление что она видит меня насквозь.

– Надеюсь, ожидание не займёт и двух суток. Лично я готова пробыть в таких комфортных условиях и дольше. Небольшой отдых, приятная компания и здоровый сон ещё никому не вредили, однако тебе лучше поскорее показаться врачу. Совестно признаваться, но с таким убогим набором эскулапа-любителя мне не по силам извлечь засевшую в тебе пулю. Хотя рана не очень глубокая, но из-за отвратительного качества боеприпасов образовалось много осколков. Впрочем, их оружие тоже вне всякой критики. Уверена, что распечатали они его, уже находясь борту. Интересно, как они пронесли оборудование на судно? Ведь имея они доступ к бортовому дубликатору, не стали бы пользоваться таким барахлом.

Немного поразмыслив, она добавила:

– Теперь принимая во внимание всё случившееся очевидно, что в смерти Алиты я виновата в большей степени, нежели чем думала до этого.

Долго ждать от Херминии пояснений этого обескураживающего заявления не пришлось.

– Схожий инцидент случился совсем недавно, всего два дня назад в системе BD—3308. Из случайно просочившегося наружу скудного объёма информации почерпнуть можно немного. Попытка захватить пассажирский корабль окончилась неудачей. Как только атаку отбили, а нападавших оттеснили обратно в жилые помещения, они, не вступая в переговоры, убили взятых в заложники пассажиров, а затем покончили с собой. До выяснения обстоятельств систему запретили для полётов.

Внезапно мне вспомнилось:

– Я был в этой системе. Нет, точнее, должен был следовать через неё, но маршрут в последний момент изменили, и я чуть было не опоздал на «Лейкленд», – теперь мне стало понятно, почему, когда я обратился за разъяснениями к стюардессе, она принялась лепетать откровенную чушь про изменение звездной активности.

– Дэвид, тебе не кажется, что ты притягиваешь неприятности?

И снова в голосе Херминии сквозила ирония. Мне было чем ей возразить. Разве я потерял свою подопечную? Ту, кого надлежало оберегать и лелеять, на которую строились такие дальние планы и возлагались столь большие надежды. Интересно, отец Алиты знал про то, что Херминия имеет на его дочь какие-то планы? Полагаю нет. Впрочем, сейчас меня волновало другое, и я предпочёл сменить направление нашей беседы.

– Кто они были такие, как ты думаешь?

– А сам ты как считаешь?

– Пираты? – неуверенно предположил я, заранее догадываясь, что даю неверный ответ.

Херминия одарила меня снисходительно насмешливым взглядом.

– Всегда была невысокого мнения о вашей системе образования. Хотя, может ты просто плохо учился, Дэвид? Суть любой пиратской эскапады – извлечение максимальной прибыли при минимальных потерях. Ты усматриваешь здесь аналогию с нашим случаем?

Хотя моё самолюбие было в очередной раз уязвлено, тон с которым беззлобно отчитывала меня Херминия был больше приятельским, чем враждебным. Понемногу я начинал привыкать к её манере общения. Следовало признать – в некоторых, происходящих с нами вещах, она разбирается лучше меня. Если же быть до конца с собою честным, то, пожалуй, что и во всех.

– Если не пираты, тогда кто?

– Да кто угодно: религиозные фанатики, экстремисты, пламенные революционеры, сепаратисты, борцы за свободу. Галактика кишит желающими доказать всем и каждому, что его вера самая истинная, а истина самая верная и за это почти все они готовы отдать свою жизнь. Ну а если для пущей убедительности удастся прихватить с собою в пекло ещё пару сотен душ в нечаянные попутчики, то это только на благо их правого дела.

– И к какой категории относятся те, кто должен принять твой сигнал? – я боялся касаться в разговоре данной темы, но рано или поздно всё равно предстояло узнать ответ. Так, почему бы не сейчас?

Херминия удивлённо вскинула брови и вместо ответа задала встречный вопрос.

– По-твоему, меня можно отнести к кому-то из них?

– И всё же, – настаивал я, не желая поддаваться на её очередную уловку увести разговор в сторону. – Кто должен откликнуться на транслируемый сигнал? Ведь он закодирован, так? И если я всё правильно понимаю, то расшифрует его только тот, кому он адресован. Уверен, принимающая сторона не относится к официальным представителям власти. На всё потребуются, как ты уже сказала около двух суток, значит, в суверенном пространстве Федерации имеется тайная и хорошо отлаженная сеть обмена данными. Так кто же ты, Херминия?

– Знаешь, Дэвид, иногда ты задаёшь на удивление интересные вопросы. Проблема только в том, способен ли ты понять ответ, и нужен ли он тебе на самом деле. Я человек. Осознания этого простого факта тебе должно быть довольно. Мы с тобою не враги. Со мною ты в полной безопасности и я, по крайней мере, уже дважды спасла твою жизнь.

– Не отрицаю, ты спасла меня. Но для чего? Какой тебе в том прок и что меня ждёт, когда придут твои друзья?

– Для чего? – задумчиво повторила девушка, а затем добавила что-то на своём незнакомом мне языке. – «Homo sum: humani nihil a me...»⁶ Мне стало тебя «жаль», – она невесело ухмыльнулась. – Я вовсе не собиралась брать тебя с собой. Просто не смогла бросить. Что же относительно того, что будет потом – тебе не стоит об этом переживать. Я включу стандартный сигнал бедствия, и тебя подберут спасатели.

– И ты вот так просто отпустишь меня? – от недоверия я скривил губы.

– А почему нет? Чем ты можешь мне навредить? Расскажешь сотрудникам Бюро Федеральной Безопасности, о том какие у меня милые глаза? Поделишься с ними видеозаписью нашей беседы?

От последней фразы я покраснел, но не потому, что втайне записывал наш разговор, а оттого, что не додумался до этого раньше сам.

Девушка по-своему оценила моё смятение и продолжила.

– Так это бесполезно. Здесь, – она обвела помещение руками и ехидно улыбнулась, глядя мне прямо в глаза, – Ты лишён доступа к «Облаку», а внутреннюю память капсулы я перед уходом обнулю. На гражданских прошивках автономная запись запрещена, а полнофункциональную активацию офицерской прошивки твоему чипу не сделали. Верно? Если я всё ещё разбираюсь в заведённых у вас порядках, то это происходит лишь по прибытии в воинскую часть. Следовательно, видеозаписи у тебя нет. К тому же я не гражданка Федерации и образца моей ДНК у вас также нет. Никаких следов и зацепок я тоже не оставлю. Наличие тайных каналов связи – секрет Полишинеля. Все правительства о них знают и вынуждены мириться, раз уж поделать ничего не могут. Что толку поднимать шумиху вокруг проблемы, если эффективных методов борьбы с ней не существует. Проще и, возможно, разумнее умалчивать о том, что все спутники ретранслируют несанкционированные сообщения. Мириады кодированных посланий ежедневно разлетаются в разные стороны. Подхватываются и передаются как вирус. Беспрепятственно разносятся от корабля к кораблю, от системы к системе, с лёгкостью минуя государственные границы, игнорируя объявленные запреты и искусственно установленные препоны. Неподконтрольные не одной из сторон они дробятся, множатся, расползаются опутывая незримой информационной сетью известную человечеству часть галактики, добираясь до её самых глухих уголков, в которых находится хотя бы один работающий спутник. Неважно будь он официальный или подпольный, легальный или не очень. В каждом из них сокрыты сонмы йоттабайт⁷ информации. Новости государственных вещательных каналов ютятся в них бок о бок с отчётами геологоразведочных экспедиций. Биржевые сводки прилепились к прогнозам космической радиационной активности. К депешам локальных fuerzas

⁶ (лат. Homo sum, humani nihil a me alienum puto – «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо»)

⁷ (единица измерения количества информации, равная 10²⁴ байт)

de seguridad⁸ невинно пристроились весточки от контрабандистов. Любовные письма соседствуют с контрактами охотников за головами, а имперские и федеральные донесения тесно сплелись между собой в гордиев узел. Тайные послания мигрируют и мимикрируют, выдают себя за безобидные сообщения, подделывая криптографические ключи и подписываясь фальшивыми сертификатами подлинности неотличимыми от настоящих. Они практически не распознаются усиленными протоколами безопасности, пропускаются тщательно выстроенными защитными механизмами и фильтрами, не замечаются высокоинтеллектуальными эвристическими алгоритмами. Они просачиваются в святая святых, оставаясь безнаказанными. Попробуй вычисли и вычлени один из них, удали его и первый же вошедший в систему корабль сам того не желая и не ведая, притащит в недрах коммуникационного узла связи его точный дубликат или его недостающие элементы, а вкупе с ними и шлейф других не менее крамольных сообщений. Бороться с проблемой таким способом – всё равно что пытаться обезглавить гидру отсекая её головы по одной. Отсеки же все сразу и в приступе радикального изоляционизма впадёшь в информационный маразм. Добровольно оглохнешь и ослепнешь, замедлив передачу данных в сотни, а то и тысячи раз. Превратив обильные потоки актуальной информации в жалкие струи устаревших сведений. Разом лишившись всех дарованных цивилизацией преимуществ и отбросив государственные каналы связи в допотопные времена. Так чем ты можешь быть опасен мне, Дэвид?

Обескураженный такими обстоятельными ответами, я умолк.

На исходе вторых суток, как и предсказывала Херминия, наша капсула приняла ответный сигнал. К тому моменту скудный ассортимент бортовой аптечки подходил к концу и несмотря на все предпринимаемые девушкой усилия, мне ощутимо становилось хуже. Потому раздавшееся звуковое оповещение вызова мы приняли одинаково с радостным возбуждением, пусть каждый и по своим причинам.

Херминия не таясь включила громкую связь, да и что было проку от секретности, когда, возможно, я и сам бы без труда смог подключиться к беседе с вызвавшим нас кораблём. Переговоры двух предполагаемых заговорщиков не содержали ничего примечательного. Обмен формальными приветствиями, запрос на срочную эвакуацию, всё как обычно за исключением одной странности, на которой я вынужденно заострил своё внимание. Докладывая о ситуации на борту, Херминия чётко обозначила наличие двух пассажиров. Несмотря на это принимающая сторона будто не расслышав её, задала уточняющий и совершенно излишний, с моей точки зрения, вопрос, переспросив, сколько человек находится в спасательной капсуле. У меня не имелось и капли сомнения какой сейчас последует ответ. При всей его кажущейся очевидности до моих ушей явственно донёсся не содержавший и нотки удивления размеренный голос Херминии.

– На борту один Человек!

Как только переговоры окончились, я не сдержавшись спросил, как следует воспринимать её слова и не означает ли это что теперь я вовсе не человек? Возможно, вскоре я окажусь трупом или рабом и меня уже не стоит принимать в расчёт?

⁸ (с испанского – силы безопасности)

– Дэвид, я говорила тебе – со мной ты в полной безопасности. С тех пор ничего не изменилось. Что же касается объяснений, – девушка беззаботно отмахнулась от меня, – Боюсь ты их просто не поймёшь.

– Ты могла попытаться хотя бы попробовать, – обиженно протянул я.

– Ну хорошо, – примирительно сказала Херминия. Подплыв ко мне она положила свою маленькую тёплую ладонь ребром на мою переносицу, а затем опустив её, накрыла мой правый глаз так, что мне осталась видна лишь правая сторона её лица. Через мгновение уголок её губ дёрнулся вверх, у век собрались мелкие почти незаметные морщинки. Она улыбалась. Улыбалась такой приветливой и доброй улыбкой, какой я ещё отродясь не устаивался от неё. Не отрывая ладони от моего закрытого глаза, она повернула её, полностью перекрыв мне обзор. Сквозь щели меж пальцев по-прежнему угадывалась её улыбка, но тут её ладошка, скользнув, переместилась влево, и я увидел вторую половину её лица. Такой Херминии я тоже никогда не видел. Она плакала, губы были перекошены от горя, в уголке глаза грозя вот-вот сорваться, набухла крупная слеза. В изумлении я вскрикнул и отнял её ладонь. Лишь долю мгновения до того, как девушка отвернулась от меня, я видел немыслимое. Обе половинки её лица жили независимо друг от друга, деля его на две самостоятельные части: радости и скорби. В моей памяти непроизвольно всплыли маски древнегреческого театра. Комедия и трагедия. Суть нашего мира и единства его противоположностей.

– Но как?! – ошеломленно воскликнул я.

Повернувшись ко мне, Херминия бесстрастно посмотрела на меня обыденным ничем не выражающим взглядом, будто с её лица стёрли все эмоции.

– Пока ты смотришь на мир одним глазом, тебе не суждено узреть картину в целом. – безразличным голосом произнесла она.

Честно говоря, скажи она мне то же самое за минуту до этого, я не придавал бы её словам никакого особенного значения. Мало ли подобных избитых фраз и мудрых изречений довелось мне услышать за свою жизнь. Между тем столь наглядная демонстрация заставляла иначе отнестись к её словам, придавая им неоспоримой весомости.

– Можешь привести ещё какой-нибудь пример? – попросил я.

– А этого было недостаточно? – прежняя весёлость вернулась к Херминии и она, как и прежде продолжила посмеиваться надо мной. – Дэвид, надеюсь, ты не будешь оспаривать тот факт, что все люди равны?

Станный и не вполне уместный вопрос. Я молча утвердительно кивнул. Не то, чтобы это была повсеместная и прописная истина, но идея всеобщего равенства – исконная ценность Человечества, важнейшая основа государственности и один из краеугольных камней нашей цивилизации. В Империи, Содружестве и многих других мирах дела обстоят иначе, но для гражданина Федерации другого ответа и быть не может.

– Замечательно! А стало быть неоспорим тот факт, что все люди имеют равные права! – воскликнула Херминия и не дожидаясь подтверждения с моей стороны следом задала ещё один неуместный и странный, на мой взгляд, вопрос. – Дэвид, а кто твоя любимая актриса? – И опять

не дав мне открыть рот, девушка жестом прервала меня. – Можешь не отвечать. Я вспомнила. Ты ведь уже говорил, что это... – она сделала небольшую паузу, откровенно потешаясь надо мной. – Келен Райт! Ведь тебе так нравится её актёрское мастерство.

Я стойко проигнорировал шпильку, направленную в мой адрес, и качнул головой.

– Мне крайне интересно твоё мнение, что ты думаешь на её счёт в связи с подписанным ею трёхгодовым контрактом с Императорской придворной головизионной студией.

Не припомню, чтобы в новостях сообщали нечто подобное. Впрочем, услышь я об этом, то всё равно не придал бы этому никакого значения.

– Ну и что в этом такого? Будет три года сниматься в их шоу. Разве это плохо для её карьеры? Не думаю, что она потеряла на этом контракте, не в рабство же её там обратят в самом деле? – я попытался отшутиться. О том, что рабом в Империи может стать только лицо, добровольно на оговорённый срок или пожизненно продающее себя в рабство, совершившее преступление либо неспособное содержать себя самостоятельно, мне было достоверно известно из курса лекций по раскритикованной Херминией сравнительной политологии.

– Чудесно! Я тоже рада, что она, используя подвернувшийся случай, обогатит свой творческий репертуар, отточит актёрское мастерство, а заодно преумножит и без того немалые капиталы. Ведь такое редкой красоты дарование, безусловно, заслуживает этого, как ты считаешь?

Я снова кивнул, тщетно пытаясь понять, к чему она клонит.

– Ты знаешь, сколько она зарабатывает в год?

– Нет, а это имеет какое-то значение?

– Абсолютно никакого, – с деланно невинным выражением лица Херминия развела руки в стороны. – Исключительно в справочных целях сообщу тебе, что её годовой доход составляет порядка сорока трёх – сорока четырёх миллионов кредитов. Договор с имперской студией на съёмки в очередном эпическом пеплуме, посвящённом периоду Раскола и началу становления нынешней династии, обещает довести размер её среднегодового заработка почти до астрономических чисел. Но ведь талант нельзя измерить деньгами. Правда?

Я утомился кивать в ответ и попросту уставился на неё.

– А что ты думаешь о Леонидасе Гарра?

– Тоже актёр? – вяло отреагировал я.

– Не совсем. – ответила Херминия. – Всего лишь учёный, один из многих. Его имя не на слуху, но, не исключено, что с его творениями тебе доводилось сталкиваться чаще, нежели чем с изображениями соблазнительной Келен Райт. В частности, он изобрёл энергетическую систему защиты «Пустынный Дервиш».

Доводилось ли мне с ними сталкиваться?! Да эти щиты были гордостью Военного Флота Федерации, заставляли трепетать наших врагов, сдерживая их агрессивные намерения и коварные планы. Я с благоговением изучал их действие, поражаясь человеческому гению, создавшему их. Имя изобретателя было мне доселе неизвестно. Как и все военные секреты, оно надёжно хранилось от посторонних ушей.

Не останавливаясь на достигнутом эффекте, Херминия продолжила.

– Его гонорары были поскромнее, чем у Келен Райт. Какие-то четыреста тысяч кредитов в год. Правда, совсем недавно он тоже подписал один весьма недурственный контракт с теми, кто смог по достоинству оценить его способности. Я бы назвала это взаимовыгодным договором во всех смыслах. Удачная находка для Империи.

– Это невозможно! – я дёрнулся так, что плечо пронзила нестерпимая острая боль, и стиснув зубы, ненадолго потерял дар речи.

– Ну почему же? Разве люди не равны между собой, не обладают одинаковыми правами и не вправе распоряжаться собственными талантами по своему усмотрению? Любой творец жаждет признания, славы и успеха. Гарра получил то, чего желал: ненаследуемый титул пэра Империи и пожизненный пенсион, превышающий актёрские гонорары Келен Райт. К его чести, следует заметить – всё это было для него не главным. Собственный исследовательский институт, вот что заставило его сделать окончательный выбор. Так что всё произошедшее с ним, несомненно, обогатит его талант.

– Это разные вещи. Это предательство! Он предал Родину! Такие поступки не измеряются деньгами.

– Весьма спорное заявление, но даже если и так, то почему бы не платить больше тем, кто этого действительно заслуживает? Или на твой взгляд, повтор заученных фраз, вымученные потуги изобразить искренние чувства и выставленный на потребу неразборчивой публики кусок обнажённой плоти, стоят больше?

– Это не имеет отношения к...

Херминия властно пресекла мои возражения, лишь слегка повысив голос.

– Всё имеет отношение! Всё, всегда и ко всему имеет отношение, иначе твои жизненные принципы лишь популистские лозунги, не имеющие ничего общего с действительной реальностью, а твои идеалы лишь вредная химера. И пока ты не отринешь навязанные тебе авторитарные стереотипы и не начнёшь хотя бы самостоятельно вдумываться, ты можешь не надеяться, что начнёшь когда-нибудь независимо думать. А сейчас, пожалуй, более не буду терзать тебя напрасными разговорами. Прости, Дэвид, но ты скучный собеседник. Одно ты не знаешь, другое не слышал и ещё очень многого не понимаешь. Ты ведь у нас узкий специалист. «Есть такая профессия?» – последние слова Херминия произнесла нарочито пафосным тоном, но в вопросительной интонации.

Я понял намёк и гневно посмотрел в её лучащиеся самодовольством глаза. Однако на девушку это не возымело никакого воздействия. В очередной раз её раздражающая само-

уверенность и демонстрируемое превосходство вывели меня из себя. И вновь мы замолчали, не испытывая обоюдного желания для продолжения беседы.

Откровения Херминии насторожили меня. В том что она непростая компаньонка, какой представлялась в самом начале, не оставалось никаких сомнений. Ничем не прикрытое пристрастие к монархической системе правления выдавало её принадлежность к Империи, а широкий спектр навыков, успешно продемонстрированных с момента нашего бегства, свидетельствовал о пройденной специальной подготовке. Вряд ли она имеет непосредственное отношение к имперской разведке. Думаю, её роль значительно скромнее. К примеру, агент влияния одного из Великих Семейств Империи. В пользу данной версии можно отнести её истинный интерес к Алите – единственной дочери графа, являющегося важной персоной в граничащем с Империей мире богатом месторождениями некоего предположительно имеющего стратегическое значение ресурса. Тогда, если мои догадки хотя бы отчасти верны, то такой человек, как Херминия по определению не может быть несдержанным на язык. Для чего же она поделилась информацией о предательстве Гарра? Явно не для того, чтобы просто поразить меня своей осведомлённостью. Зачем рассказывать такое, если я могу, нет обязан буду пересказать всё в БФБ.⁹ Или это также ни для кого не является секретом? Возможно, несмотря на все её уверения, мне не суждено ни с кем поделиться услышанным? Чего следует ожидать: пленения, устранения или вербовки? Я бросил настороженный взгляд в сторону Херминии, но девушка парила в расслабленной позе у люка в противоположном конце капсулы. В ней не чувствовалось никакой угрозы, но я видел, чего она стоит в деле. Знал, как быстро она способна принимать решения и молниеносно без колебаний приводить их в исполнение. Пребывая я даже в добром здравии, сомневаюсь, что результат нашего поединка оказался бы в мою пользу. Сейчас же мои шансы и вовсе катастрофически малы. Хотя... Осторожно и как можно незаметнее я опустил здоровую руку на левый брючный карман. Так и есть, от облегчения я чуть было не вздохнул громче чем следовало. Трофейный пистолет был на месте. Теперь остаётся постоянно быть начеку и вовремя почуять опасность. Тогда у меня будет хоть какая-то вероятность остаться в живых. Вот только надолго ли? Её сообщники уже скоро будут здесь. Сколько их? Всегда, даже при самом удачном стечении обстоятельств, остаётся бесконечно много допущений в пользу того, что в любой момент всё пойдёт не так. За моими размышлениями меня опять начало лихорадить, дёргающая боль в плече, не оставлявшая меня в покое последнее время, усилилась и, по всей видимости, неосознанно я принялся стонать. Херминия не оставила это без внимания. Подплыв ко мне, она положила свою ладошку мне на лоб и считав показатель температуры, недовольно мотнула головой. Порхнув к аптечке, вынула из неё два шприца и наполнила их лекарством.

– Последние, – произнесла девушка извиняющимся тоном полным сожаления, словно в том была её вина. – Продержишься?

Не отвечая, я поморщился, всем своим видом давая понять, что ничего другого мне всё равно не остаётся.

Сделав инъекции, Херминия оставила меня в покое, и я вернулся к своим нелёгким мыслям. Может я зря думаю всякую напраслину? Ведь за всё время нашего полёта она имела возможность лишить меня жизни не один раз. С другой стороны, до момента прибытия её союзников, в этом не было нужды. Впрочем, с чего ей лишать меня жизни, ведь у неё могут быть на мой счёт и иные менее кровавые планы. По мере дальнейших рассуждений я пару раз

⁹ (Бюро Федеральной Безопасности)

ловил себя на том, что постепенно теряю их суть и откровенно начинаю клевать носом. Глаза слипались и незаметно я погрузился в небытие.

Момент стыковки я проспал. Из забытья меня вывел шипящий звук стравливаемого воздуха, доносящийся из разгрузочного клапана шлюзовой камеры. Вздвогнув от неожиданности, я быстро открыл глаза. Вокруг всё было спокойно. Херминия находилась у люка спиной ко мне. Как только шипение прекратилось и давление выровнялось, она принялась разблокировать выход в шлюз с нашей стороны. Вспомнив свои опасения и пользуясь тем, что ей сейчас не до меня, я засунул левую руку в карман брюк и аккуратно ощупал пальцами пистолет в поисках предохранителя, а нащупав его, едва не выругался вслух от охватившей меня злости. Какой же я кретин! Всё это время начиная с того самого момента, когда ещё в отсеке со спасательными капсулами я положил оружие в карман, оно так и оставалось в боевом положении.

Распахнув люк, Херминия обернулась. Увидев, что я не сплю, она ободряюще улыбнулась и бросив мне: «Я скоро!», рывком отправила своё гибкое тело внутрь шлюзовой камеры на пристыковавшееся к нам судно. О том, кому оно принадлежит и к какому типу судов относится я не имел ни малейшего представления. Знание подобных вещей никогда не бывает лишним, особенно если от них напрямую зависит твоя жизнь. Выбрав в интерфейсе капсулы вид с внешних сенсоров, я от досады скрежетнул зубами. Слишком близко и ни одного нормального ракурса. Хотел было воспользоваться обзором обычного смотрового иллюминатора, но тут в проходе появилась Херминия. Вернулась она, к моему облегчению одна и не с пустыми руками, прихватив с собою медицинский чемоданчик, превышающий по габаритам нашу бортовую аптечку. Закрепив его на пустом сидении рядом со мной, она начала извлекать из него инструменты, от одного вида которых меня стала пробирать зябкая дрожь.

– Может, не надо? – попытался остановить её я.

– Почему? Тебе страшно? Думаешь не справлюсь?

Оставалось лишь утвердительно кивнуть в знак согласия. Я не горел желанием и дальше испытывать судьбу, доверяя своё здоровье заботам имперского агента, к числу которых я с недавних пор причислил свою спутницу.

– Хорошо, – как ни странно, тут же сдалась Херминия. – Тогда давай хотя бы обработаем твою рану и введём тебе настоящие лекарства, а не то следующим занявшимся тобою медицинским специалистом окажется прозектор.

Безропотно повиновавшись, я принял её помощь, получив взамен болезненного хирургического вмешательства небольшую поверхностную процедуру и несколько ставших мне уже привычными уколов.

Закончив со мной, девушка занялась блоком управления. Отсоединила своё передающее устройство и подключила обратно штатную плату. Панель вновь успокаивающе залилась зелёным цветом.

– Ну вот, теперь тебе остаётся только ждать, когда тебя подберут спасатели. Надеюсь, ты не будешь очень сильно скучать по мне, оставшись здесь совсем один? – лукаво усмехнулась девушка.

Блаженно расслабившись от полностью ушедшей боли, я растянул губы в подобии улыбки и попытался ответить, но внезапно онемевший язык словно нехотя шевельнулся во рту и вместо короткого «нет» я лишь невнятно что-то чавкнул в ответ. Глядя мне прямо в глаза, Херминия удовлетворённо кивнула и не меняя выражения лица, продолжила:

– Прости, Дэвид, что не могу позволить тебе воспользоваться интерфейсом капсулы. Да и вообще, здесь требуется хорошенько прибраться. Видишь ли, мне вовсе не хочется оставлять за собой лишние следы, – отвернувшись, Херминия деактивировала блок управления. Все индикаторы погасли разом.

К этому моменту ни одно из сказанных ею слов ещё не добралось до моего помутненного сознания, одурманенный разум безмятежно почивал на мягких волнах успокаивающих интонаций её голоса. Однако стоило ей отключить управление капсулой, как на меня обрушился весь ужасающий смысл сказанного. Найдя в себе остатки воли и сил, я вытянул из кармана пистолет, чью рукоять, к счастью, так и не отпускал всё это время и направил его на неё.

К моему удивлению, Херминия не пыталась меня остановить. Ни один мускул не дрогнул на её лице, и даже улыбка не покинула его. Более того, она с живым интересом наблюдала за мной явно заинтригованная тем, какие действия я склонен предпринять дальше.

Осознавая, что с каждой секундой сил к сопротивлению у меня остаётся всё меньше, и терять, собственно, уже нечего, я, напрягая непослушные мускулы, нажал на спусковой крючок, прекрасно понимая, чего следует ожидать от выстрела в невесомости. Спуск, щелчок и... Ничего. Ещё раз и снова никакого результата. Злобно брызжу слюной, ударяя оружие днищем магазина себе по колену и пытаюсь передёрнуть затвор правой рукой. Боли практически не чувствую, но Херминия морщится, глядя на мои старания. Будто не мне, а ей сейчас приходится испытывать боль, орудуя раненой рукой. Наконец, оттянутый затвор, сердито лязгнув, встаёт на место. Не выцеливая навожу пистолет в расплывающийся у меня перед глазами девичий контур и из последних сил делаю выстрел. Опять ничего. Невольно разжимаются пальцы и оружие покидает вышедшую из повиновения руку, в бесплодных потугах я хватаю воздух, пытаюсь дотянуться до него, но тут меня перехватывают цепкие пальцы Херминии. Она беззлобно толкает моё обмякшее и непослушное тело обратно на сидение и ловко стягивает его дополнительными ремнями, жёстко фиксируя в неподвижном положении. Передо мною как сквозь туман, уверен, что не без умысла нарочно всплывает её лицо.

– Спи милый мальчик, – ласково произносит она тихим почти ласковым голосом и наклонившись, нежно целует меня в лоб, – И прощай!

Я протестующе пытаюсь что-то мычать ей в ответ, но сознание предательски покидает меня и уходя последним, гасит за собою свет.

Глава 4. В которой герой сидит, а события бегут

Не могу сказать, что моё возвращение в лоно живых было радостным и бодрящим. Наоборот, оно было гадким, муторным и ещё в некоторой степени неожиданным.

Разлепив тяжёлые слипшиеся веки, несколько секунд я непонимающе взирал на едва различимую в условиях скудного аварийного освещения надпись на экране панели управления: «До полной перезагрузки системы осталось». Расположенный ниже таймер, размеренно вёл обратный отсчёт: четыре минуты тридцать две секунды, четыре минуты тридцать одна... тридцать... Постепенно вспомнилось всё, и внезапное предательство Херминии и моя безуспешная попытка мести, но от воспоминаний ни на йоту не стало легче. Поспешно я отстегнул скрывающие меня ремни и, распахнув крошечное отделение санузла, являющееся единственным изолированным от общего отсека помещением в капсуле, окончательно убедился, что нахожусь в ней совершенно один. Оброненный мною пистолет также нигде не было видно. В воздухе одиноко висел прозрачный пакет с медикаментами. Притянув его к себе, я прочёл на приклеенном к нему цветном стикере написанный размашистым не лишённым изыска подчерком текст: «Колоть раз в восемь часов, пить после еды три раза в день». И всё, никаких тебе «целую» и «вечно твоя». А ведь было такое многообещающее прощание. Невольно я повеселел. Потенциальным покойникам таких посланий не оставляют. Распаковав пакет, осмотрел его содержимое. Внешне лекарства ничем не отличались от тех, что колола мне Херминия за время нашего совместного путешествия. Впрочем, последний укол отбил у меня желание добровольно воспользоваться её прощальным подарком.

Припомнив об откликнувшемся на зов Херминии корабле, я прильнул к смотровому иллюминатору, но почти сразу бросил эту затею. Смотреть, увы, было не на что. Судя по всему, пока я бесчувственно спал, девушка бесследно исчезла, реализовав намеченные ею планы по очистке от следов своего пребывания в капсуле. Вполне безобидные надо отметить планы, которые я трактовал столь ужасающе неверным и пагубным образом. Хотя это всё равно пока лишь гипотеза и раскаиваться в своих неправильных выводах и поступках, пожалуй, несколько преждевременно. Лучше дождаться окончания перезагрузки блока управления. Любопытно, мог ли я в действительности причинить ей вред? В силу стечения удачных обстоятельств пистолет не произвёл ни единого выстрела или же чьи-то шаловливые пальчики заблаговременно извлекли из него боеприпасы, а затем оставили бесполезный пистолет при мне, дабы я не запаниковал, обнаружив себя полностью безоружным? Скорее всего, последнее. Херминия ни капли непохожа на безумную фаталистку и не стала бы слепо полагаться на волю случая там, где способна заставить события двигаться по её указке в нужном ей направлении.

Таймер довёл свой счёт до конца, и система рапортовала об успешном окончании перезагрузки. Еле дождавшись этого момента, я тотчас же запустил процесс самодиагностики капсулы и подключился к внешним сенсорам. Окружающее пространство было девственно чисто. Иного я в принципе и не ожидал. Херминия сдержала своё слово, техника работала абсолютно исправно, и передатчик на всех частотах транслировал сигнал бедствия.

Очевидно, система кишела кораблями различных федеральных служб и не успел я примерить на себя роль одинокой жертвы кораблекрушения, затерянной в холодных просторах бескрайнего космоса, как со мною вышли на связь.

До подхода спасателей я промаялся, коротая время за мысленным составлением рапорта о происшедших событиях свидетелем и отчасти невольным участником которых мне довелось стать. В предвкушении того, что кошмар предыдущих дней вот-вот закончится и вскоре я вернусь к прежней жизни меня не покидало ощущение лёгкой эйфории. Это чувство многократно усилилось в тот миг, когда я различил на подошедшем для стыковки корабле хорошо знакомую мне эмблему Бюро Федеральной Безопасности и понял, что на моё спасение отрядили не абы кого, а оперативников БФБ.

Сам факт долгожданной эвакуации произошёл весьма буднично. Меня подвергли быстрой процедуре идентификации, требуя отвечать чётко и по существу исключительно на поставленные вопросы. Затем уложили на носилки, уделяя моей скромной персоне ровно столько внимания, сколько требовалось на то, чтобы игла от капельницы, введённая стараниями медперсонала в мою здоровую руку, самовольно не покинула вену. Оставленный на попечение медика, чей словарный запас, по всей видимости, ограничивался лишь тремя фразами: «сожмите кулак», «задержите дыхание» и «лежите спокойно». В таком беспомощном лежащем положении я прибыл в госпитальные покои, находящиеся на неизвестной орбитальной станции, расположенной у неведомой мне планеты. Никто не счёл нужным проинформировать меня о конечной точке нашего маршрута, а предпринятая мною единственная и безуспешная попытка подключиться к интерфейсу спасательного судна дала непредсказуемый и довольно настораживающий результат. Мало того, что в доступе было отказано, так я ещё получил предупреждение, уведомляющее меня о том, что несанкционированное проникновение зафиксировано и о данном инциденте поставлены в известность компетентные органы. Грозный тон послания отбил у меня всяческую охоту проявлять интерес по мелочам.

По прибытии в госпиталь я оказался незамедлительно на операционном столе и следующее моё возвращение к реальности встречал уже в тесной, рассчитанной на одного пациента, реанимационной палате. Сквозь забранное настоящей металлической решёткой окно просачивался мягкий искусственный свет, ничего не говорящий о том который сейчас час, но наталкивающий на иного рода размышления. Циферблат на моём внутреннем интерфейсе, подсказал, что проспал я без малого четырнадцать часов, но не смог дать ответа на то, где же я нахожусь. Госпитальная сеть осталась глуха к моим усилиям получить к ней доступ. На этом поступление информации из внешних источников и окончилось. В раздражении я посмотрел на стоящий рядом аппарат. Из его недр наружу тянулись закреплённые на моём теле трубочки и провода. Внимательно осмотрев переднюю панель устройства, обнаружил искомое и протянув руку, приложил палец к индикатору вызова персонала и приготовился ждать.

По прошествии десяти минут я начал было проявлять признаки нетерпения, как вдруг дверь в палату распахнулась и впустила двух человек, чей внешний вид не оставлял ни малейших сомнений в их профессиональной принадлежности. Оба были в белых халатах, оба уставшие и невыспавшиеся, но один из них явно лечил тела, а вот второй... Стоило ему открыть рот и нарочито бодрым голосом поинтересоваться моим самочувствием, как любая необходимость в представлении с его стороны отпала сама собой.

Врач без нудного предисловия приступил к осмотру, а сотрудник БФБ всё-таки представился, не преминув особо подчеркнуть, что наша встреча носит полуофициальный характер и не займёт много времени. Из его слов следовало, что лично он не хотел меня сильно беспокоить, но по долгу службы вынужден поступиться своими желаниями. Накопилось изрядное количество вопросов, требующих безотлагательного разъяснения. В настоящее время ситуация

вокруг гибели туристического лайнера до чрезвычайности неясна и, более того, с дипломатической точки зрения, опасна и крайне нестабильна. Вдобавок ко всему судьба единственного выжившего, налагает на меня тяжкий груз моральной ответственности перед душами погибших и их безутешно скорбящими семьями.

Для человека несклонного вести долгие беседы он был крайне многословен. Из произнесённой им пространной и пафосной речи я не понял и доброй половины, подивившись в очередной раз тому, что безопасность не взяла меня в оборот сразу на борту ещё во время эвакуации, в наиболее подходящий для того момент. Что же касается «груза моральной ответственности», то из всех погибших на борту «Лейкленда» я знал одну лишь Алиту, да и ту, как оказалось, весьма поверхностно, что, впрочем, не слишком уменьшало мою горечь от её утраты. Как ни странно, но я по-прежнему испытывал иррациональное нежное чувство к этой девушке, вне зависимости от того, что позже стараниями Херминии мне стало известно о ней. Клонов я, конечно же, помнил, пусть уже и не по именам. Хотя склонен считать, что и в самом Содружестве о них не будут крепко горевать, а просто запустят во внеочередной раз свой репродукционный чан и извлекут из него на этот свет ещё одну пару в точности идентичных и прогнозируемо идеальных граждан, взамен преждевременно выбывших из строя. Остальные пассажиры были для меня подобны тем же клонам. Не персонифицированная и неодушевлённая масса. Знаю, так думать нехорошо, но, увы, мыслил я именно таким образом и ничего не мог с этим поделать. Оставалось придавать лицу скорбную мину и кривить душой. Я совсем не знал этих людей, равно как и они меня, а потому останься в живых кто-либо из них вместо меня, что смог бы он вспомнить обо мне? Стало бы ему по-настоящему жаль того, чьё имя он никогда ранее не слышал и чьё лицо, случайно и мимолётно увиденное им в толпе, он не в состоянии воссоздать в своей памяти как её ни напрягай? Кем бы я был для него – безликой, безымянной, но тяжко бередящей его душу абстрактной единицей, ставшей нулём и растворившейся в вакууме космического пространства? Сильно сомневаюсь. Одно знаю точно, говорить об этом не стоит никому.

После ухода врача, оперативник перевёл разговор в практическое русло. Задав пару формальных вопросов, попросил меня изложить в подробностях мою версию событий. Слушал он очень внимательно, мерно в такт моим словам покачивая головой, лишь изредка перебивая, в тех местах, которые, по его мнению, содержали важные детали и требовали особых уточнений или пояснений. Описание гибели Алиты оставило его полностью равнодушным. Между тем стоило мне перейти к рассказу о действиях Херминии, ставших отправной точкой всех последовавших со мною перипетий, как я уловил брошенный им на меня цепкий взгляд.

Повествуя о случившемся за последние несколько дней, я старался ничего не упустить из внимания. Только в двух-трёх особо щекотливых местах мне пришлось намеренно скрасить отдельные эпизоды, в которых я проявил себя не с лучшей стороны. Однако мои мелкие прегрешения собеседнику были безразличны. По всему было видно, что он чрезвычайно заинтригован личностью Херминии. По крайней мере, все вопросы, заданные им по окончании моего рассказа, были посвящены именно её персоне. Покидал он меня в состоянии сильного возбуждения, которое пытался скрыть за очередной волной пустословия. Я едва успел втиснуть между сыплющимися из него фразами тревожащий меня вопрос: должен ли я расценивать своё нахождение в госпитале как арест.

– С чего вы это решили? – произнёс он так, будто я внезапно и невпопад ляпнул что-то до невероятности глупое.

В ответ я повёл глазами в сторону зарешеченного окна и добавил:

– Все, кроме вас, избегают общения со мной, доступ в госпитальную сеть заблокирован, мне до сих пор неизвестно где я нахожусь. Стоит перечислять дальше или уже названного будет достаточно?

– Ну что вы, Дэвид! – с лёгкостью отмахнулся он, небрежным жестом отметая высказанные мною опасения. – Всё это простые формальности, предпринятые, кстати, исключительно в целях вашей собственной безопасности. Стань вдруг известно, что по делу «Лейкленда» найден чудом выживший свидетель, как вас тут же примутся осаждать толпы назойливых, беспринципных журналистов, пытающихся урвать сенсацию любой ценой. Доведись кому-нибудь из них злоупотребить вашим искренним к нему расположением, какую историю вы поведали бы ему? Если в точности ту, что только что рассказали мне, то, надеюсь, вы в состоянии оценить колоссальный ущерб, который способен нанести ваш рассказ, растиражированный средствами массовой информации на всю Федерацию и далеко за её пределы? Вы ведь офицер, а не безмозглый юнец! Или вам и вправду так не терпится стать известным, что вы готовы поступиться интересами своей Родины? – пристыдил он меня и ушел, пожелав на прощание скорейшего выздоровления.

Звали его Ричард Стэнфорд. Основательное, надёжное имя. Жаль сам хозяин имени не был ему под стать. За те семь суток, что мне довелось пребывать в госпитале, он навещал меня ещё дважды и вносил своими визитами небольшое разнообразие в скучный больничный распорядок. То, что он являлся моим единственным собеседником, отнюдь не делало его в связи с этим желанным гостем.

С нашей первой встречи меня не оставляло гнетущее, навязчивое ощущение того, что в разговоре с ним я допустил какую-то серьёзную ошибку. Тщетно я пытался убедить себя в том, что мои тревоги не более чем пустые переживания и всему виной не в меру разыгравшееся больное воображение или приступ мнительности, приобретённый в результате близкого знакомства с Херминией. Как я не старался переубедить себя или отвлечься, чувство тревоги лишь нарастало.

Дальнейшие расспросы докучливого оперативника, также касались преимущественно Херминии. По его настоянию я пересказывал одни и те же события с её участием, стараясь каждый раз вспоминать их в мельчайших подробностях, а состоявшиеся между нами разговоры повторять чуть ли не слово в слово. Когда ему наконец-таки стало ясно, что к неоднократно сказанному мне более добавить нечего, он переключился на Алиту и её семью. Затем, как бы невзначай перевёл разговор в иное русло, порасспрашивал про учёбу в Академии, вспомнил о моих родителях и порадовал меня, сообщив, что их поставили в известность о счастливом спасении единственного сына. Жаль, что у него не нашлось для меня весточки от них. В сложившихся обстоятельствах было бы достаточно даже небольшого видеописьма.

На восьмые сутки под присмотром Стэнфорда меня перевезли в местное отделение БФБ. Чувствовал я себя к этому времени вполне сносно и порядочно натерпелся больничной скуки с вынужденным бездельем, а потому смену обстановки воспринял с должным оптимизмом. Тем не менее будь я волен выбирать сам, предпочёл бы оказаться где-нибудь в другом месте. Несмотря на то что Бюро, отвечало за спокойствие всей нашей бескрайней Родины, лично мне отчего-то в этой организации было не по себе.

В БФБ я первым делом вновь попал в руки медиков. Покосившись на заставленный мудрёными приборами кабинет, я приготовился к долгому прохождению опостылевших процедур и исследований, но всё закончилось на удивление быстро. Сделанный укол погрузил меня в беспамятное небытие, а когда меня привели в чувство, в голову пришла мысль о том, что последнее время это становится нехорошей традицией. Уже который раз со мной проделывают подобные штуки без всякого на то моего согласия.

Докушливый знакомец куда-то исчез и из медблока меня сопровождал дежурный сотрудник. На незамысловатый вопрос: «Куда мы направляемся?», я получил лаконичный и грубый ответ, весь смысл которого сводился к тому, что разговоры здесь не приветствуются и мне стоило бы помолчать. Всегда будучи рад следовать добрым советам, я безмолвствовал битый час в ожидании, когда меня соизволит принять хозяин кабинета, у дверей которого меня оставил без личного присмотра нелюдимый провожатый. Стоило мне подумать, что о моей скромной особе благополучно позабыли, как дверь распахнулась и меня пригласили войти.

Владельцем небольшого и скудно обставленного казённой мебелью помещения оказался сухопарый, низкорослый мужчина с пустыми и какими-то неживыми рыбьими глазами на флегматичном вытянутом лице. Вяло махнув мне в сторону одиноко стоявшего на середине комнаты стула, он вернулся за рабочий стол и занял своё кресло.

– Меня зовут Отто Карсон. Я следователь Бюро федеральной безопасности, – представился он. – Ваше дело передано в моё ведение. С данного момента наша беседа носит официальный характер, о чём я уведомляю вас и прошу засвидетельствовать надлежащим образом.

Одновременно с его словами у меня перед глазами всплыло подтверждение его личности и несколько официальных бланков, которые я бегло прочёл и отправил обратно, подтвердив, что ознакомился с ними.

Началась стандартная процедура опроса, которую я уже проходил в госпитале. Вновь мне приходилось отвечать на неизменную череду вопросов: «Назовите ваше полное имя, дату и место рождения, гражданство, образование. Изменяли ли вы когда-либо своё имя и (или) пол, общерегистрационный код чипа и тип прошивки» и так далее. Поначалу следователя интересовали какие-то странные и несущественные, на мой взгляд, мелочи. Однако постепенно по мере задаваемых вопросов разговор начал принимать совершенно иной, всё более неприятный оборот. Свои вопросы он формулировал следующим образом: «Ваше исчезновение из Хайтауна для всех знакомых явилось полной неожиданностью. Чем был вызван ваш столь экстренный отлёт?» Или, к примеру: «В диспетчерскую службу центрального космопорта на Танну поступило уведомление о вашей задержке нахождение регистрационных действий. Кто был его инициатором? Почему вам было так важно занять место именно на лайнере „Лейкленд“ вместо того, чтобы без спешки переоформить свой билет на следующий рейс?»

Вдобавок он спрашивал: что мне известно об инциденте произошедшем в звёздной системе BD—3308, какие из запрещённых предметов, врученных мне отцом, были пронесены мною на борт «Лейкленда» и кому я их передал или должен был передать, какое имел при себе оружие, а также кто и с какой целью очистил бортовой журнал спасательной капсулы.

Я силился возражать, но мои возражения отменялись, не принимаясь в расчёт. Я пробовал приводить убедительные доводы, но с каждым последующим вопросом он не оставлял от них и камня на камне. Я пытался взывать к его разуму, но, похоже, он имел отличное

от моего представление о логике, считая её, сродни казуистике. Вскоре я поймал себя на том, что начинаю оправдываться. Как только, до меня дошёл этот очевидный факт я не выдержал и взорвался:

– К чему все эти измышления?

– Измышления говорите? – он уставился на меня своими холодными рыбьими глазами. – Как вы тогда поясните следующие факты. Во-первых, вы получили на редкость удачное ранение в плечо. Обычно такие раны довольно опасны и чреваты осложнениями вплоть до частичной потери двигательных функций конечности. Но вам повезло – артерии не задеты, нервные связки практически не повреждены, кровопотеря и та оказалась минимальна. К тому же, как выяснилось, за вами весьма неплохо ухаживали до той поры пока вы не сдались властям. Всё это счастливая случайность, не правда ли, Дэвид? Или может быть хорошо выполненный трюк для отвода глаз? Во-вторых, абсолютно не знакомое лицо доверяет вам, иначе говоря, первому встречному, совершенно секретную информацию, которой не обладает большая часть сотрудников БФБ? Наверное, вы обладаете редкостным умением, заставляющим собеседника проникаться к вам патологическим чувством доверия и выбалтывать не подлежащие разглашению сведения? В-третьих, вы охотно делитесь воспоминаниями. Достаточно полно и подробно описываете происшедшие события. Тем самым выказываете весьма похвальное и достойное настоящего патриота рвение. Только пользы от всех этих откровений нет совершенно никакой, ведь они не содержат ни капли истины. Известно ли вам, что на вашем чипе не имеется ни единого фрагмента записи, подтверждающего ваши слова?

Если на предыдущие вопросы мне было нечем сразу возразить, то аргумент на последний вопрос у меня был:

– Гражданская версия программного обеспечения не имеет подобных функциональных возможностей, а офицерская прошивка моего чипа не была активирована. При всём своём желании я не обладал ни программными ни техническими средствами для ведения записи.

Скользнувшая по его лицу усмешка придала ему сходство с хищной рыбой.

– А вашего желания и не требовалось. Чип каждого гражданина через неравные промежутки времени в самостоятельном порядке совершает выборочные записи, которые невозможно сфальсифицировать, затем архивирует их и хранит вплоть до момента передачи уполномоченным на то органам.

Ошарашенно я смотрел на него. Он говорил об этом так походя, что не оставалось ни малейших сомнений в том, что это является правдой. А как же поправки к Конституции и неприкосновенность частной жизни? Конечно же, мне не раз приходилось слышать различные скабрёзности на тему того, что с «чипом ты никогда не одинок» или «хотите пошалить с любимой лишь вдвоём – делайте всё молча и не открывая глаз», но я всегда причислял подобные высказывания к образцам низкопробного юмора и не более. Также не всерьёз я относился и к жаргонным прозвищам. Сам частенько используя в обиходной речи вместо официального термина – персональный чип с общерегистрационным кодом, его сленговые названия «решётка»¹⁰ или «поводок», а то и того похлеще, но вовсе не задумываясь о том, что может скрываться под этими прозвищами на самом деле.

¹⁰ (General Registration ID – общий регистрационный код, аббревиатура GRID – с английского: решетка, сетка)

Следователь тем временем продолжал:

– Исходя из результатов проведённой экспертизы, ваш чип имеет следы стороннего вмешательства, которое могло быть осуществлено только специалистом высокой квалификации при наличии соответствующего оборудования. Подобное вмешательство осталось бы незамеченным в ходе любой стандартной проверки. Также ваш отец является владельцем фирмы, получившей федеральный контракт на установку и обслуживание данного вида электронных устройств на вашей родной планете. Причём единственным, кому было предоставлено это право. Надо полагать, это ещё одно маленькое счастливое стечение обстоятельств?

Я не проронил ни слова, не зная, что и как правильно следует ему ответить, но он и не ожидал моего ответа.

– Всё что вы говорите, Дэвид, есть не что иное как одна большая ложь, но вскоре я получу от вас правду и чем быстрее вы сами расскажите её мне, тем лучше в итоге будет для вас. Вы ещё молоды, неопытны и я охотно поверю в то, что вас обманули или использовали «в тёмную», втянув в ненужные и опасные игры, которые неожиданно для вас самого привели к ужасной трагедии и гибели невинных людей. Но, так или иначе, по неведению или злему умыслу, их кровь на ваших руках. Поэтому заканчивайте лгать, Дэвид, мы знаем достаточно, и упорствуя, вы делаете хуже исключительно самому себе.

Собрав разбегающиеся мысли, я попытался противопоставить ему хотя бы что-то, задав встречный вопрос:

– Кем же в таком случае, по-вашему, являлись те, кто стрелял в меня, убил баронессу де Хардинес и, судя по всему, пытался захватить корабль, а когда их попытка претерпела фиаско, взорвал его?

– Плодом вашего воображения, отвлекающим манёвром, дезинформацией, которую вы должны были внедрить в БФБ, одновременно примешав к ней для пущей верности совершенно секретные сведения. Только эти уловки бесполезны. Нам прекрасно известны деструктивные методы врагов Федерации и их наймитов. Мы также осведомлены об их стараниях сымитировать внутри нашего государства деятельность внутреннего сопротивления, создать видимость борьбы мнимых оппозиционных сил. Вы стали марионеткой в чужой игре, Дэвид. Нам уже известно почти всё. Дело осталось за малым. Взгляните на визор.

На экране возникло изображение казённого помещения неуловимо схожего с тем, в котором сейчас находился я сам. На стуле в центре помещения сгорбившись, сидел мужчина. Руки он держал перед собой на коленях, судорожно сцепив ладони сплетёнными пальцами. Голос за кадром произнёс: «Назовите ваше имя», голова человека дернулась, и он поднял лицо. К ужасу, я узнал в сидящем своего отца. Следователь тут же включил паузу.

– Вы узнаете этого человека?

– Да, это мой отец, Джефф Брэнсон, – мой собственный голос доносился до меня глухо будто бы со стороны.

– Хорошо, тогда опустим лишнее и перейдём сразу к сути, – воспроизведение продолжилось с другого фрагмента.

Отец сидел, как и прежде застыв в нелепой сгорбленной позе. Лицо его было поднято и обращено прямо перед собой, отчего создавалась иллюзия того, что он смотрит на меня. Без сомнения, это был мой родной и горячо любимый отец, человек которого я знал с самого своего рождения, чьи привычки и манеру речи выучил досконально до мельчайших деталей. Я мог безошибочно определить, какое у него настроение по одному сказанному им слову и понять, одобряет ли он услышанное, всего лишь увидев, как он изогнул бровь. Нет, он не был так предсказуем, просто за все проведённые вместе годы я слишком хорошо изучил его. Это был мой отец, но таким я никогда его не видел. Он был словно неживой. Ничего не осталось в нём от того человека, которого я знал всю свою жизнь. Ни одной знакомой мне черты. Будто с его лица стёрли все человеческие эмоции, оставив бесчувственную маску манекена. Его глаза невидяще смотрели в никуда. Голос и тот был неестественный, выхолощенный и лишённый эмоций, как у коммуникатора Алиты, выдававшего только сухой перевод и оставлявшего без внимания все тонкие нюансы её речи. Нормальный человек, пребывающий в своём уме и добром здравии, не будет настолько бесстрастно излагать то, как был завербован представителями Имперской разведки, как вовлекал в преступную деятельность других граждан Федерации и предавал свою Родину, передавая её врагам сведения, составлявшие государственную тайну. Я слушал и не мог поверить ни единому слову, он оговаривал себя, но почему?! Всё это находилось за гранью моего понимания.

Как только на записи прозвучал вопрос о моей причастности, следовательно тотчас же выключил визор.

– Теперь вы могли лично убедиться в том, что мы располагаем всеми необходимыми сведениями. Дэвид, даю вам последний шанс и от того, что вы мне скажете, будет зависеть насколько незавидной, окажется ваша дальнейшая судьба.

– Мне нужен адвокат.

– Вам его обязательно предоставят.

Я полагал, что здесь он примется юлить и изворачиваться, но следователь был обескураживающе спокоен. Его непоколебимая уверенность внушала больший страх, чем все нагромождённые им обвинения. Внезапная мысль пронзила меня и придала надежды. Кажется, я нашёл выход. Поразительно как же я не додумался до этого раньше.

– Официально заявляю о добровольном желании пройти обследование на детекторе лжи!

– Законное требование. Хотите прямо сейчас?

Я, было, кивнул в знак согласия, но увидев, что следователь всё ещё продолжает вопросительно смотреть на меня, сообразил, что требуется моё голосовое подтверждение. Стоило ответить: «Да», как в кабинет вошёл мой прежний сопровождающий, хотя теперь, скорее всего, его следовало называть конвоиром. У меня возникло стойкое ощущение того, что все мои шаги уже заранее просчитаны и всё движется в соответствии с распланированным кем-то сценарием. Мне же остаётся лишь покорно ждать своего часа, дабы узнать, какую роль суждено в нём сыграть.

Наученный горьким опытом, я под конвоем молча проследовал обратно до медблока, механически отметив про себя то, что не заметил в прошлый раз во время своего первого посещения. Входная дверь медблока не имела характерной маркировки. Передав меня в ведение медперсонала, мой страж не удалился. Под его равнодушным взглядом я по требованию медиков разделся догола и занял ложемент в странном устройстве, внешне напоминавшем вертикально расположенную криогенную капсулу. Никогда ранее я не имел возможности видеть воочию, как выглядит настоящий детектор лжи. При его упоминании в моём воображении рисовалось ультрасовременное кресло, подобное тому, в котором мне довелось побывать немногим позже своего совершеннолетия, в тот памятный день, когда мне впервые монтировали персональный чип. Однако, моё суждение, впрочем, почти как и всегда основывалось на домыслах, просмотренных головизионных передачах, фантазиях и фильмах. Реальная жизнь в последнее время неоднократно доказывала ошибочность моих представлений об окружающем мире. Отчего бы и детектору лжи не выглядеть иначе чем я того ожидал?

Я несколько не сомневался в результате, который покажет это замысловатое устройство, подтвердив то, что я, говорю правду и разрушив всю абсурдность выдвигаемых против меня обвинений. И, тем не менее по мере проведения подготовительных процедур во мне нарастало тревожное чувство беспокойства.

Не смея прекословить, я неукоснительно выполнял все полученные указания. Ненамного развёл руки от тела, позволив жёстко зафиксировать их в таком положении. Обхватил ладонями металлические приспособления похожие по виду и форме на ручные динамометры. По требованию несколько раз поочерёдно с усилием сжал каждый из них. Они так и остались в моих руках после того, как фиксаторы плотно обхватили запястья. В довершение всего, один из медиков вставил мне в рот большую и неудобную резиновую капу, широко до боли раскрывшую рот и придавившую язык к нижней челюсти. Необходимость последнего приготовления была совсем неясна. Как же теперь отвечать на вопросы или, может, я опять чего-то недопонимаю? Не успел я толком удивиться этому обстоятельству, как крышку капсулы захлопнули. Она оказалась совершенно непрозрачной. Я очутился в крошечной тьме. Обездвиженный, запертый и отрезанный от внешнего мира. Это было неожиданно и неприятно, но не ввергло меня в панику. По сути, я оказался в условиях, отчасти напоминающих учебные тренировки по пребыванию в одиночестве в замкнутом пространстве или скафандре, а с ними я всегда справлялся на оценку «отлично». Поэтому постарался максимально расслабиться, насколько это было возможно в моём теперешнем состоянии. Закрыл глаза, выровнял дыхание, попытался заставить себя не думать о насущных проблемах. Я смог оставаться относительно спокойным ровно до того момента пока темнота не сделалась абсолютной настолько, что буквально секунду назад я и не мог об этом подумать. Поначалу я даже не сообразил, что же произошло. За последние девять лет с самого первого момента включения моего чипа я не оставался без его успокаивающе светящегося перед моими глазами интерфейса. Никогда! Никогда и нигде! Будь то в оживлённой аудитории Академии или во время мимолётного tête-à-tête¹¹ с очередной пассией, или находясь в одиночестве спасательной капсулы, затерянной в безлюдной системе. Всегда и везде он был моим надёжным и неизменным спутником. Помогая, отвлекая, подсказывая и направляя. Он будил меня по утрам, под наигрываемые им успокаивающие ритмы я засыпал. Большей частью через него и с его помощью происходило моё общение с окружающим меня миром, людьми и вещами. Я до такой степени свыкся с его неосознанным, но постоянно зримым присутствием, что считал его неотделимой и неотъемлемой частью меня самого.

¹¹ (с французского – встреча или беседа с глазу на глаз)

Однако сейчас куда бы я ни посмотрел, непроглядная темнота окружала меня. Интерфейс погас и вслед за этим раздался громкий голос, раздражающе резанувший мой слух:

– Сожмите руки.

От растерянности я замешкался и немного погодя тот же голос опять повторил фразу. Прозвучала она настолько похоже, что, безусловно, являлась записью. Я повиновался.

– Сильнее, – тут же последовал очередной приказ, и я ещё крепче сжал находящиеся в моих ладонях металлические приспособления. – Сильнее. – повторил голос. Что же происходит, чёрт их побери и для чего это всё нужно?!

– Держите. – я подождал, но больше не было произнесено ни слова.

Так продолжалось, наверное, минуты три или дольше. С самого начала я не догадался начать отсчитывать время. Сверить же его теперь не представлялось возможным и это было очень непривычно. Руки начали уставать, и я попытался дать знать об этом. Вышло, конечно, плохо, но что мне оставалось ещё предпринять? На своё вопросительное мычание в ответ я не услышал ровным счётом ничего. Сделал ещё одну попытку, повисив при этом голос, и стараясь придать ему настойчивые, требовательные ноты. Снова тишина. Не дождавшись ответа, я расслабил руки и тут же электрический удар сотряс моё тело, кисти сами сомкнулись на электродах, тело выгнулось, но разряд длился совсем недолго. Стоило ему прекратиться, как я шумно выдохнул, а тот же безучастный голос произнёс:

– Сожмите руки.

От захлестнувшего меня возмущения я заорал, но лишь нечленораздельные булькающие звуки вырывались из моего заткнутого рта. Старания выплюнуть резиновую дрянь, закрывшую мне рот, прервал очередной разряд тока, потрясший моё тело. На этот раз он был сильнее и длился дольше. Руки скрутило судорогой, я едва смог разжать пальцы, стараясь хоть как-то размять их. И снова:

– Сожмите руки.

Насколько хватало сил я сжал электроды.

– Сильнее. Сильнее. Держите.

Не оставляя надежды, я приложил дополнительные усилия, чтобы освободиться от кляпа. К счастью, безрезультатно. Увенчайся успехом мои старания, и в таких условиях это не привело бы ни к чему хорошему. Думаю, я мог бы случайно откусить собственный язык. Вот тебе и детектор лжи! Но разве я мог подумать такое? Попытки запрещены, ведь так? У нас гуманное государство и оно защищает каждого гражданина. Не выдержав, я слегка ослабил хватку, и кожа под электродами начала зудеть, как будто под ней что-то заползало, зашевелилось, щекоча и покалывая. Я снова сжал кулаки и ощущения исчезли, но долго так продолжаться не могло. Особенно быстро слабела правая рука, очевидно, сказывалось последствие недавнего ранения. Вскоре от тока и прикладываемого физического напряжения руки болели чуть ли не до самых локтей, затем их начало невыносимо выкручивать. Как только я не смог сдавливать электроды с должным усилием неумолимой карой последовал электрический разряд.

Руки парализовало, они перестали совершенно слушаться меня, дыхание сбилось, и я ничего не мог поделать на отдаваемые мне команды, раз за разом оставляя их без внимания. Следующий удар выбил из меня сознание.

В чувство меня, по всей видимости, привёл встроенный инъектор. Последний укол я ощутил уже приходя в себя. После этого долго ничего не происходило. Я намеренно затих, хотя это было глупо. Не сомневаюсь, что засунувшие меня в эту камеру пыток чудовища были прекрасно осведомлены о моём самочувствии и состоянии. Животный страх заставил меня замереть и не шевелиться, тем самым иррационально надеясь избежать дальнейших мучений. Внезапно у меня возникло ощущение, что на меня кто-то пристально смотрит. Покуда я мог ещё относительно здраво рассуждать я осознавал, что нахожусь в тесной капсуле совершенно один, но это никак не мешало мне бояться того, что пряталось позади меня. Поначалу это нечто просто стояло, недобрым взглядом буравя мою спину, а затем оно, шумно дыша начало медленно придвигаться, всё ближе и ближе, понемногу сокращая расстояние между нами. Холодный липкий пот покрыл моё тело. На пределе своих возможностей я изогнул шею, преодолевая сопротивление фиксаторов, но, сколько ни всматривался, ничего не мог увидеть в окружавшей меня темноте. Однако стоило мне повернуться обратно, как я почувствовал чужое леденящее дыхание на своей оголённой шее. До боли в позвонках я выгнулся в попытке обернуться и на этот раз уловил, как что-то жуткое метнулось у меня за спиной. Краем глаза я выхватил из кромешной тьмы неясный силуэт. Тяжёлое дыхание раздалось с другой стороны. Меня прошиб озноб. Ошалело вытаращив глаза, я повернулся на звук и в этот момент нечто бесформенное, но кошмарное по своей сути, будто из ничего выросло передо мной, обдав волной неизъяснимого ужаса. Не выдержав, я заорал и зажмурился, ожидая чего-то страшного. Ничего! Открыв глаза убедился, что видение исчезло. Непроглядная темнота вокруг и более ничего. Пустота и я внутри неё, словно парю в невесомости, нет, точнее подвешен внутри неё. К горлу подкатил комок, уши заложило и в голове начало гудеть. Сквозь гул стали различаться какие-то незнакомые голоса, они то понижались до неясного зловещего шёпота, заставляя невольно прислушиваться к ним, то достигали предела громкости восприятия, выкрикивая громopodobными голосами бессвязные угрозы, а после просто принялись выть. Опять накатило необъяснимое чувство страха. Не в силах заткнуть уши я сам принялся выть, стараясь перекрыть и хоть ненадолго заглушить их. Во рту пересохло, я попытался оттолкнуться и отлететь подальше от источника этих мерзких звуков, но что-то меня не пускало. Я рвался изо всех сил, но точно опутанный паутиной лишь конвульсивно бился закутанный в сплетённый из клейких нитей кокон. С каждым вздохом воздуха оставалось всё меньше и меньше, судорожно сглатывая, я попытался вдохнуть в себя как можно больше, но паутина так сильно сдавливала мне грудь, что не позволяла дышать. Пока силы окончательно не покинули меня, я бился, пытаясь высвободиться из её пут, и неожиданно понял, что своими резкими движениями растревожил Его. Я замер, но было уже слишком поздно. Даже не видя Его, я явственно почувствовал, как перебирая своими мохнатыми лапами, Он неспешно пополз ко мне. При каждом Его прикосновении к паутине, по её нитям в мою сторону бежали колебания такой силы, что заставляли вибрировать мои внутренности, временами сотрясая всё тело. По мере Его приближения ко мне вибрация нарастала, подавляя мою способность к сопротивлению. У меня не осталось возможности даже кричать, как только я раскрыл рот, липкая паутина тотчас же хлынула в него, перехватив моё дыхание, и не успел я толком ничего осознать, как сквозь тьму кокона прорвался алчущий живой плоти клык и вонзился в моё сердце.

Первое что я почувствовал, была невыносимая вонь. Не знаю, что случилось раньше, рвота или самопроизвольное опорожнение кишечника, да это и не имело никакого значения. С ненасытной жадностью я глотал ртом вновь поступающий в камеру воздух. Было по-преж-

нему темно. Раздалось жужжание и в шею ощутимо кольнуло. Инъектор делал своё чёрное дело, возвращая меня в сознание. Проклятый голос не заставил себя долго ждать.

– Сожмите руки.

Интересно, мне только кажется или я здесь действительно надолго?

Очевидно, на какое-то время я лишился зрения. Измождённого и обессиленного от настойчивых поисков правды меня извлекли из камеры пыток, подхватили и поволокли. Пробуя разглядеть хоть что-нибудь, я непонимающе крутил головою по сторонам и пучил ничего не видящие глаза в тщетных попытках разглядеть хоть что-нибудь с ужасом предполагая, что моё высвобождение может оказаться всего лишь мучительной уловкой, очередным порождением подсознательно ищущего спасения мозга. Тем временем моё безвольное тело тащили по коридорам, спускали на лифте и наконец, бросили на пол. Дверь захлопнулась, и я услышал удаляющиеся шаги безмолвных палачей. Завалившись набок, хотел было свернуться калачиком и замереть, дав отдых измученному и искалеченному телу, но не знал, могу ли позволить себе эту роскошь. Кто находится рядом со мной в камере или я здесь один? Следует ожидать ещё какой-нибудь каверзы или мне выпала небольшая передышка? Слабой и дрожащей рукой осторожно ощупал пространство впереди себя и тут же наткнулся на стену. Потихоньку, в несколько заходов, придал себе сидячее положение. Встать даже не пытался, ноги напрочь отказывались мне повиноваться. Прислушиваясь, я просидел так до той поры пока постепенно, словно сквозь туманную пелену не начали проступать неясные очертания моего жилища. Помещение было небольшим, максимум один метр на два с отхожей смрадной дырой в противоположном от двери углу. Мои апартаменты были явно рассчитаны на одну персону. Скромность убранства и интерьера однозначно свидетельствовали о том, что принимающая мою особу сторона склонна отчаянно экономить на излишних удобствах. Пожалуй, мой новый гостевой номер отчасти проигрывал старой каюте на круизном лайнере. Впрочем, грех жаловаться ведь я получил его от Федерации совершенно бесплатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.